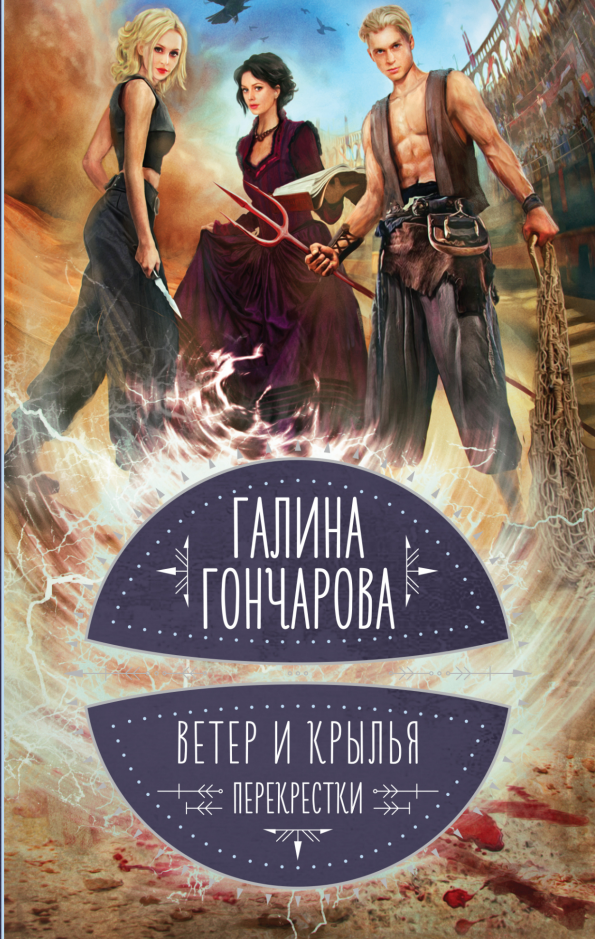

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

ПЕРЕКРЕСТКИ

Галина Дмитриевна Гончарова
Ветер и крылья. Перекрестки
Серия «Ветер и крылья», книга 3
Серия «Колдовские миры
Галины Гончаровой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68924256

Ветер и крылья. Перекрестки / Галина Гончарова: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-184238-3

Аннотация

Ветер, поднятый крыльями ворона, закручивается в воронку хаоса. И втягивает в себя людей, дороги, меняет судьбы.

Кто бы сказал Лоренцо Феретти, что он будет рисковать свободой, жизнью и рассудком – ради работоторговца?

Кто бы намекнул Адриенне, что ей придется проводить древние ритуалы, хладнокровно осуждать людей на смерть?

Кто бы шепнул Мие, что она убьет самого своего близкого человека?

Дороги сплетаются в невообразимый клубок, дороги меняют людей – и люди выбирают новые пути.

Или это уже не люди? Они еще разберутся.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	59
Глава 3	113
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Галина Гончарова

Ветер и крылья.

Перекрестки

Колдовские миры

© Гончарова Г.Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо 2023

Глава 1

Лоренцо

Гладиаторы бывают разные. И школы, в которых мужчин обучают убивать друг друга всеми возможными способами, – тоже¹. Люди могут сражаться один на один. Могут сражаться один против нескольких людей или группами. Могут сражаться с животными. Могут даже не сражаться, а просто убивать. Расстреливать, словно мишени.

От типа зрелищ и боев отталкивается основная классификация.

Еще многое зависит от типа оружия, которым сражается гладиатор.

Копье, дротики, меч, сабля, сеть, трезубец или вообще боец-двоеручник, который мог одинаково ловко работать обеими руками.

Конный или пеший. В кольчуге или без.

Это основное деление. А дальше начинаются разные тонкости, в которых Энцо еще не разобрался. Впрочем, пока он и не мог этого сделать.

Хотя бы потому, что отвратительно знал арайский язык.

Он старался, он учился, он запоминал слова и звуки, воспроизводил их, выворачивая свой язык, старался говорить

---

¹ За основу взята система Древнего Рима. Но упрощенная. (Прим. авт.)

точно так же, как местные, изо всех сил вслушивался в горланную жесткую речь.

Зачем?

А затем!

Даже если он завтра погибнет на арене, он умрет не смирившись. Он учит язык врага, чтобы рано или поздно положить себе дорогу к свободе. Пусть на него смотрят как на дурака. Пусть качают головой, пусть думают, что все зря, что таких было много, очень много...

Не важно!

Плевать на все и на всех.

На сотоварищей по несчастью, на рабов, которых арайцы обильно закупают в разных странах, на слуг, даже на ланисту Зеки-фрая, которого Энцо ненавидел. Хоз-с-с-с-сяин!

Удавил бы мразь, но приходится терпеть.

Ничего, Энцо прошел хорошую школу в лавке. Ах, дядя, единственное, что сейчас может Лоренцо Феретти, это молиться за вас, а выберется – тогда и на колени встанет, не побрезгует.

Дан.

Перед купцом.

За самое важное, что есть в жизни. За уроки мудрости.

Купец – это не просто купи-продай. Есть и такие, но выше торговцев вразнос они не поднимаются. Или держат лотки на рынке... один, ну два. Не больше.

Потому что купец – это информация, связи, подход к лю-

дям, знание человеческой природы, умение разглядеть выгоду и для себя, и для партнера по торговле, объяснить, уговорить, убедить...

Данам этого делать не приходится.

Дан приказал – и ему повинуются. Ему не нужно изворачиваться ужом, чтобы выжить. Конечно, так происходит далеко не всегда, но очень и очень часто. Даны над этим не задумываются вообще.

Останься Энцо обычным даном – погиб бы в школе гладиаторов в первые несколько дней. Или был бы продан евнухам со всеми последствиями. И тогда уж...

Энцо предпочел бы покончить с собой, но не возвращаться домой – изуродованным, опозоренным... в таком случае самоубийство не смертный грех, а доблесть. Еще и врагов бы с собой прихватил побольше.

Постарался бы. Клинком, ядом... да хоть зубами и ногтями! Не важно!

Энцо был племянником купца. И за два года Лаццо сумели многое в него вложить.

Школа гладиаторов.

Что в ней ценится?

Что можно продать арайцам?

Да понятно что! Красивую игру! Красивое сражение!

Яркое, непредсказуемое, интересное... Энцо и так хорош собой, и так умеет обращаться с оружием. Если его немножко подучить, можно ставить на бои. И да.

Ставки.

Тотализатор, который был всегда и всюду.

Об этом говорили гладиаторы, об этом знали слуги. В этом разбирался Энцо благодаря Паскуале. Да, и о таком в семье заходил разговор, правда, применительно к скачкам, собачьим боям или петушиным... вот не думал Энцо сам оказаться в роли собаки. Нет, не думал, не хотел...

Но попал и знал, что именно надо делать.

Ценятся не только те псы, которые приносят победу.

Но и те, которые делают это на определенной минуте, к примеру. Ставки бывают разные. На количество ран, на время, на оружие, на... да на что только не поставишь...

А вот чтобы Энцо мог их оправдать – нужно его учить.

Правда, для этого ему уже пришлось убить человека. Меньше месяца назад.

* * *

Начиналось это так.

Школа гладиаторов представляла собой большое трехэтажное здание.

Внутри – двор. Арена. Большая, окруженная рядом скамеек для простонародья и трибунами для важных данов. Для самых важных, буде те соизволят посетить бои, даже ложи предусмотрены.

Как рассказали Энцо, особым шиком считалось выкупить

такую ложу для себя и только для себя. На сезон, на год, на два... Но дорого. Зато потом можно с важным видом вручать друзьям ключ от ложи. Или бросить так небрежно в разговоре: да, арендовал. Могу себе позволить.

В Эвроне это были, к примеру, кареты с позолоченными колесами или арайские жеребцы... ничего-то от века не меняется.

Когда на арене не проходили сражения, на ней проходили тренировки.

На первом этаже находились казармы гладиаторов. Хотя казармы – это громко сказано. Скорее, помещение на десять – двадцать человек. У каждого койка, под койкой сундучок с кое-какими вещами, хотя бы с той же набедренной повязкой... Больше им на первой ступени ничего не полагается.

Лучшим гладиаторам отводят отдельную комнату. Имущества у них тоже больше. А самых лучших, говорят, даже в город иногда выпускают.

Энцо без усталости расспрашивал слугу, нещадно коверкая слова, и запоминал, запоминал...

Что ж.

Это его шанс – стать лучшим. Чтобы получить свободный... относительно свободный выход в город. Энцо сразу же отметил для себя эту возможность.

Понятно, что все предусмотрено, что он такой не первый умный. Но что ему могут еще предложить? Какая есть альтернатива? Смириться с происходящим? Подохнуть в пер-

вом же бою?

Перебьетесь.

Еще на первом этаже содержали животных. В клетках. С животными тоже требовалось сражаться, а иногда и вовсе их расстреливать. Это называлось венацио, и Энцо решительно не понравилось². Ладно еще – убивать людей.

Человек такая тварь, что и с собой что угодно сделает, и с другими. А животных за что?

Просто – за что?!

За то, что волку или кабану не повезло попасться в руки охотнику или в волчью яму? С-сволочи...

Слуга, заметив отвращение Энцо, махнул рукой и сообщил, что бои с животными достаточно редкие. Если попадется серьезный зверь, вот тогда... А просто так?

Не слишком-то это интересно. Так, толпу разогреть, крови налить... животные стоят дорого. Их надо где-то содержать, кормить, убирать за ними, это все затраты, к тому же нет гарантии, что их поймут к определенной дате или что они до этой даты доживут. Могут ведь и просто лечь и сдохнуть в неволе. Всем назло.

Не кормить же льва через высушенное утиное горлышко?

В основном на арене оказываются быки, коровы, буйволы... легко достать, легко содержать. Ну, еще собаки.

Энцо это комментировать не стал. Гадко.

На втором этаже жил ланиста, то есть Зеки-фрай. Жили

---

² Развлечение древних римлян: травля животных на арене. (Прим. авт.)

тренеры, которые натаскивали гладиаторов. Жили массажисты, повара... обслуга школы.

Третий этаж был отведен под господские покои. Ну или для визита важных гостей.

На памяти слуги такое случалось два раза.

Хозяин гладиаторской школы предпочитал жить в столице, приезжая или присылая управляющего раз в квартал, чтобы забрать прибыль. А гости...

Ну да, два раза.

Арей-бей и Судат-бей.

Оба этих имени слуга произносил так, словно сюда лично небожители спускались. В обращениях Энцо тоже разобрался.

Фрай – уважаемый. Фрая – уважаемая. Своего рода ньюры. Не аристократия.

Бей – что-то вроде дана. К его женам или дочкам никакого особенного обращения нет. По очень простой причине.

Негодник, который осмелится обратиться... да что там! Просто неуважительно поднять взгляд на местных высокородных дам – поплатится содранной шкурой.

Энцо такое и рядом не надо было. Перебьется...

Да и омерзение у него вызывали местные жители. Польститься на кого-то из арайских женщин?

Лучше уж с козой...

Впрочем, эротические представления на арене тоже давали. Раз в десять дней арена открывала свои двери для всех.

И были бои, ставки...

Был окровавленный песок, который засыпали свежим, и тела, которые уволакивали с арены крюками... потом их сбрасывали в море.

А что, хоронить, что ли?

Вот еще не хватало! Пусть рыба подкормится.

Были совокупления женщин с ослами, быками, конями... как правило, они кончались смертью женщины, но для этого дела выбирали или рабынь, которых не жалко, которые провинились, или проституток... последних, конечно, реже.

Отношение к неверным у арайцев было, как к животным. Даже хуже – скотину холят и лелеют, она должна пользу приносить. А неверные...

Этих – не жалко.

* * *

Пять дней он просто отъедался и отсыпался. Осматривался и учился.

На шестой день его подняли на рассвете, вместе со всеми. И – началось.

Гладиатор – это не бока пролеживать. Это тренировка и тренировка, это бег вокруг арены, и попробуй полениться – сразу тебя кнутом! Это поднимать тяжести, это растяжка, это упражнения с мечом...

Все то, что Энцо проделывал давно и упорно вместе с Че-

заре и Леоне.

Спасибо вам, учителя. Выберусь – в ножки поклонюсь!

Подготовка Энцо слегка удивила ланисту, который ожидал худшего. Зеки-фрай подозвал к себе дана и принялся расспрашивать.

Энцо отвечал, по возможности честно.

Да, учился.

Да, сражался. С пиратами, с разбойниками... доводилось убивать. Так что ничего нового ему тут не предложат. Вот тогда и...

Зеки-фрай подумал несколько минут, потом приказал увести Энцо с арены к массажисту, накормить, а потом... вечером...

Вечером Энцо снова вернули на арену.

Не одного.

На арене было сложено оружие.

На арене находился Зеки-фрай. И рядом с ним стояли две клетки.

В одной из них грыз прутья волк.

В другой молча сидел мужчина, посверкивая глазами из густых зарослей.

– Ты понимаешь меня, неверный. – Ланиста говорил на арайском. Медленно, отчетливо проговаривая слова. Так Лоренцо действительно его понимал. А вот говорить пока было сложно, пришлось ограничиться коротким:

– Да, Зеки-фрай.

– Выбери себе противника. Бой до смерти.

– Противника? – Наверное, Энцо выглядел глупо.

– Здесь две клетки. С кем ты будешь драться – со зверем или с человеком?

Энцо даже не задумался.

– С человеком.

Дело было не в его отношении, или в жажде крови, или...

Все предельно просто.

Энцо учили драться с людьми. Не с дикими животными. Не с волками. Там наверняка другой подход, другие движения... этому тоже надо учиться. С человеком у Энцо есть хорошая возможность избежать ран. Если он будет драться всерьез, конечно.

А волк?

Хватанет когтями или зубами цапнет...

Понятно, что ран Лоренцо не боялся. И боли тоже. Если он останется в школе гладиаторов, будет и то, и другое. Но... не здесь и не сейчас. Он должен стать достаточно ценным имуществом, чтобы его предпочли лечить, а не добивать. Вот и весь расчет.

Придется для этого убить человека?

Хорошо, он это сделает. Можно подумать, раньше с ним такого не бывало!

– Человек. Твое оружие?

– Чем будет вооружен он?

– Он выберет. Потом.

Энцо задумался еще ненадолго. Потом остановил свой выбор на паре «короткий меч – кинжал». Выбрал, взвесил...

Да, таким его сражаться учили.

Тоже своего рода проверка. Что выберет новичок, как он умеет этим драться... Щит или кольчуга Энцо, видимо, не полагались. Их на арене не было.

То есть любой пропущенный удар – это ранение.

Плохо, очень плохо...

Пока Энцо размышлял, его противник уже вышел из клетки, расправил плечи, потянулся...

Черт побери! В этого монстра можно двоих Энцо уложить. А то и троих... плохой противник. Массивный, квадратный, длиннорукий... вооружение?

Копье.

И владеет он им весьма неплохо, Энцо это видел.

Его собираются здесь убить? Шансов нет?

Или...

А, нет! Шансы у него есть.

Энцо увидел, что у здоровяка серьезная рана на левом бедре. Считай, он будет медленнее двигаться, он более уязвим с левой стороны... почему его выгнали сражаться с раной? Он провинился в чем-то, или он не ранен, или...

Ладно. Пока Энцо настолько не разбирается в местных тонкостях. Но к Зеки-фраю он повернулся и поклонился еще раз.

– Достопочтенный Зеки-фрай...

– Что тебе, неверный?

– Бой до смерти?

– Да. Один из вас не покинет эту арену сегодня.

– Наказания за смерть противника не будет?

Энцо с трудом подбирал слова, путался, но Зеки-фрай понял.

– Тебя не накажут. Этот сын свиньи не победил в бою...

Дальше Лоренцо можно было не объяснять. Ставки, деньги... проигрыш – считай, потеря и убытки. Вот и расплачивается бородач.

Но ему, Лоренцо Феретти, от этого легче не будет. Придется выложиться, иначе ему не уцелеть.

Зеки-фрай сделал шаг назад – и хлопнул в ладоши.

– Бой!

От первого удара копья Энцо едва увернулся. И тут же копьё вернулось, подсекло его под колени...

Ага, попробовало!

Нашли дурака – подставлять родные ноги! Леоне кнутом его давно от такой доверчивости отучил!

Энцо взвился в воздух, пропуская под собой копьё. И не приземлился на него, вот еще пошлости! Это рассказывать хорошо, мол, подпрыгнул я, и всей тяжестью упал на оружие противника, и выбил его. В реальности такие игры кончатся сломанными ногами. Лоренцо перекатился, разрывая дистанцию. Осторожно закружил вокруг противника, нащупывая другие слабые места...

Нет, только нога.

В остальном – ему бы у этого бородача поучиться. Хороший боец, сразу видно.

Долго Энцо не простоять. Он все же после морского путешествия, он давно не тренировался, а бородач жил в хороших условиях...

Жало копья снова прынуло ядовитой змеей. Энцо увернулся, отвел его клинком, перекатился по песку – но уже ближе к врагу. Не разрывая, а сокращая дистанцию.

Неудобно, так что поделаться?

Надолго это врага не задержало, но Энцо не собирался драться честно. Кинжал он выбрал не просто так – его еще и метать можно.

Понятно, от кинжала гладиатор увернулся. А вот от подлого удара ногами по щиколоткам – уже нет. Энцо попросту упал на спину, ну и как дотянулся, так и дотянулся. Получилось неплохо.

Гладиатор свалился, словно подкошенный, Энцо взлетел с песка – и выбил у противника копье.

Приставил клинок к груди, туда, где бешено вздымались ребра, густо поросшие курчавой черной шерстью. Оглянулся на ланисту.

– Достопочтенный?

Если противник думал, что сможет в это время уйти из-под клинка, – зря. Стоило бородачу шевельнуться, как Энцо тут же пнул его по ране, без всякой жалости. Мужчина глухо

простонал, но Энцо заставил себя об этом не думать.

Кукла. Это просто кукла.

Не человек. Ступенька к свободе.

Зеки-фрай медленно показал большим пальцем вниз.

– Убей его, неверный.

Энцо замешкался лишь на секунду. Даже меньше – на долю секунды.

Этот человек ни в чем не виноват лично перед ним. Он такой же невольник.

Но...

Прости, брат. Я бы хотел смерти на твоём месте.

Клинок резко пошел вниз.

Тело противника выгнулось – и опало.

– Точно в сердце, – кивнул Зеки-фрай. – Ты хорошо дерешься и не боишься смерти.

Энцо склонил голову. Потом медленно положил на песок меч, как бы подчеркивая, что его работа – выполнена. Все, оружие больше ему не нужно...

Зеки-фрай довольно кивнул. Хороший раб, выгодный. Сразу видно. По первому разу многие боятся убивать. Приходится давить, настаивать... этот не колебался. Видно, что думал, но не колебался.

– Ты не хотел убивать?

– Мне все равно, – коротко ответил Энцо. – Но это был ценный воин.

– Не ценный. Плохой характер, – кратко объяснил Зе-

ки-фрай.

Энцо молча принял объяснения. Что ж, плохой так плохой. Бывает...

– Почему ты не выбрал волка? Почему человек?

Энцо мог бы сказать многое. Обошелся коротким:

– Волк здоров.

Зеки-фрай расхохотался.

– Ты выбрал добычу полегче? Маленький хитрец... – И снова стал серьезным. – Смотри не обмани сам себя.

Энцо молча поклонился.

Он постарается.

Его ждут дома. А сколько человек ему придется ради этого убить... сколько надо – столько и убьет. Жаль, не тех, кого хочется.

* * *

После первого убийства жизнь Энцо сильно не переменилась.

Он так же тренировался, он так же питался вместе со всеми, он так же учил язык. Получалось плохо, но юноша старался.

И после первого месяца обучения Зеки-фрай сообщил Энцо, что завтра его ждет первый бой.

– Да, Зеки-фрай.

Другого ответа у Лоренцо не было. Даже когда тебе сооб-

щают, что завтра ты первый раз выйдешь на арену... Хочется не хочется, а собственного мнения и желаний у раба не предусмотрено. Увы.

В гладиаторской школе Ваффы Энцо жил уже почти месяц. Обычно здесь новичков столько не держали. Дней десять, пятнадцать – и пожалуйте на арену.

Но...

Зеки-фрай решил, что на Энцо можно хорошо заработать. А почему нет?

Красивый. Тонкий, стройный, светлокожий, с золотыми волосами...

И при этом отлично сражается! На этом можно сделать деньги, а деньги Зеки-фрай любил, искренне и нежно.

– Ты сегодня будешь драться с провокатором.

Энцо кивнул еще раз.

Провокатор. Плохо...

Провокатором назывался преступник, который был осужден на смерть. Но в отдельных случаях таких не казнили – зачем расходовать материал? Их выставляли на арену, и ценной боя для них была жизнь.

Вооружение?

Средний меч и щит. Больше ничего им не полагалось, никакой защиты.

– Чем я буду драться, почтенный?

– Тем, чем привык, – махнул рукой Зеки-фрай. – Кинжал, меч. Доспехов на вас не будет. На нем – нагрудная пластина.

На тебе поножи и наручи.

Энцо кивнул.

Ничего, что могло бы его как следует защитить.

Ничего, что будет сильно отягощать или стеснять движения.

Плохо другое. Ему нельзя метить в корпус. А вот противнику все равно, куда бить. И у противника будет щит...

Метательное оружие сразу отменяется.

Плохо...

А никто и не говорил, что будет легко и приятно! Энцо медленно поклонился.

– По вашему слову, достопочтенный.

Зеки-фрай довольно улыбнулся.

Хороший раб. И бой будет интересный. Он посмотрит с удовольствием...

– Как ты хочешь, чтобы тебя назвали? Прозвище?

Энцо удивленно посмотрел на ланисту. Ему уже было известно: прозвище дает толпа, что он и сказал. Зрители... Зеки-фрай хмыкнул.

– Это потом. Но в первый раз тебя надо как-то объявить.

– Просто именем?

– Нельзя. Неинтересно.

– Назовите сами, Зеки-фрай. Вы лучше знаете, что может понравиться людям, – решил Энцо.

И получил довольную улыбку в ответ.

Зеки-фрай действительно это знал. Золотоволосый юно-

ша станет Ангелом. А для кого-то Ангелом Смерти. Что ж, приятно, когда дилетанты не лезут в твою работу. А то начинается...

Великолепный Лев!

Самум Пустыни!

Дикий Вепрь!

Тьфу, пошлятина. А вот у Энцо может быть большое будущее. Он может принести хорошие деньги, так что...

Зеки-фрай собирался лично проследить за первым боем юного гладиатора.

* * *

– Дistinguished зрители! Сегодня на арене...

Энцо не вслушивался.

Без него бой все равно не начнется.

Своего противника он не видел. Он с одной стороны арены, противник – с другой. На арену есть несколько выходов, и перед боем тех, кто будет драться, разводят по разным концам. Чтобы не сговорились или не нанесли друг другу каких повреждений заранее...

Энцо ждал.

Пока ему приходило в голову только одно. Если его не выкупят... а выкупят ли? И когда?

Значит, ему нужно стать любимцем публики. Лучшим гладиатором. Чтобы его отпускали в город.

Выучить арайский, найти себе помощников, может, договориться с контрабандистами... или лучше не договариваться...

Вот ведь!

Почему Энцо не научился ходить на лодке? Не думал, что пригодится, а зря. Один он бы мог уплыть, но ведь не умеет! Ни с парусом управляться, ни с веслами... да-да, грести тоже не так просто, и откренивать лодку, кажется, надо, и в ветрах разбираться, и в течениях...

Иначе над тобой вся Арайя смеяться будет. Попытался уплыть, а утонул. Или вообще – к берегу прибило. Греб два дня, а оказался на том же месте. В Эвроне Лоренцо слышал о незадачливых рыбаках, но не считал, что это и к нему может относиться. А вот...

Энцо не думал, что пригодится, а оно вот как случилось. А умения-то и нет. А доверяться хоть кому из арайцев...

Есть гарантия, что его не опоят, не оглушат, не свяжут, не продадут еще раз? Нет? То-то и оно... Энцо для них неверный, с ним можно что угодно сделать. Хоть шкуру содрать на виду у всех, никто не возразит. Со своим имуществом хозяин что захочет – то и сделает.

– ...Ангел!!!

Слуга толкнул Энцо в плечо.

Не сильно, но чувствительно. Долю секунды гладиатор размышлял, а потом кивнул и встал.

Пора...

Вот и арена. И солнце над головой.

И противник идет навстречу.

Энцо даже не замедлил шага.

Он не знал этого человека, он раньше его не видел. И потому было чуточку легче.

Они оба сражались без шлемов. Без серьезной защиты – зрители пришли увидеть кровь. Увидеть игру, бой, смерть, убийство...

Энцо краем сознания подумал, как легко броситься к трибуне, взлететь на нее одним прыжком и начать убивать.

Даже не убивать – давить всю эту мразь, словно клопов... только вот нельзя. Вон и арбалетчики... да, гладиаторов справедливо опасались. И не слишком им доверяли. Бывали случаи, когда бой с арены переходил на трибуны.

Еще шаг. И еще...

Противник выглядит достаточно неприятно. Кто-то, видимо, Зеки-фрай, придумал нацепить на него медвежью шкуру, и со спины он защищен. Ее ведь не вдруг прорежешь. Она толстая, она защищает.

И впереди пластина...

Значит, надо бить в ноги, подсекать их, ну и двигаться, конечно... противник слишком увесист, он не сможет танцевать долго.

Только вот и он это понимает. И потому напал первым, перехватывая инициативу, стараясь навязать рисунок боя.

Несколько шагов провокатор почти пролетел. Ударил ши-

том, тут же рубанул мечом, уже видя перед собой разваленного пополам мальчишку... такого легкого, тонкого, с рассыпанными по плечам золотыми волосами...

Неудобно, хорошо хоть разрешили на лбу перехватить их. Принесли откуда-то обруч с камнем, словно он баба с диадемой. Но сейчас Энцо было не до таких тонкостей.

Чертовы патлы лезли в рот, неприятно липли к потной коже...

Конечно, никаких ударов он не допустил. Отскочил назад, разрывая дистанцию, закружил рядом с противником, стараясь не подставляться, прощупывая... черт!

Его клинок короче!

И руки у него короче, придется сближаться...

Здесь метнуть кинжал не выйдет. Противник защищен, и прекрасно об этом знает. Вот, ухмыляется...

– Порву, мальчишка!

И снова удар.

Энцо спустил его по сильной стороне клинка, до гарды. Получилось жестко, рука слегка онемела. Что ж, выбора нет.

И снова удар.

И еще один.

Все время убежать Энцо не сможет, зрители потеряют интерес. Им надо, чтобы бой, чтобы клинки звенели, чтобы...

Противник попытался ударить щитом в лицо.

Энцо извернулся, поднырнул под сцепленные руки, благо он легкий и гибкий, ударил сам...

Есть!

Первая кровь!

По руке провокатора побежала царапина, расплзлась, за-
капала алым на белый песок...

Противники переглянулись. Это кажется несерьезно. А на
самом деле в бою пустячных царапин не бывает. Это кро-
вопотеря, это боль... тело реагирует само, где-то замедлит
движения, где-то оступится... теперь у провокатора нет воз-
можности тянуть. Ему надо закончить побыстрее...

Еще удар!

Просто массой... Энцо сбивают с ног, он катится по песку,
но именно туда, куда надо. И снова – удар. Кинжалом...

И еще одна царапина пролегает по ноге провокатора, на
этот раз изнутри. Энцо ужом проскальзывает за его спину,
хватает за шкуру, тянет, что есть сил... Провокатор опроки-
дывается назад, сейчас он перекатится, сейчас...

В его глаза летит горсть песка.

Ровно секунда нужна, чтобы бросить клинок и зачерпнуть
горсть песка с арены.

А чтобы проморгаться, надо хотя бы пару секунд, лучше
три или четыре...

Только их никто не даст. Энцо точно не станет делать та-
ких глупостей... удар! Мечом, плашмя, по голове... так те-
бя! Не убить, но оглушить, это уж точно...

И оглянуться.

Убивать?

– УБЕЙ!!!

Кто закричал первым?

Кто подхватил?

Энцо нашел глазами Зеки-фрая, тот сидел на своем излюбленном месте, там же, где и на тренировках. Убить? Эффектно?

Ответом стало согласное движение руки.

И Энцо резко всадил клинок в живот провокатора.

Хотите крови, твари? Боли?! Смерти?!

Смотрите!!! И не говорите, что вы – люди!!!

Несколько минут он дал подонкам насладиться чужой агонией. А потом вздернул врага на колени, прямо так, за шкуру.

И эффектно полоснул его ножом по горлу.

Почему алая кровь чернеет на белом песке?

– Ан-гел, Ан-гел, АНГЕЛ!!!

Толпа ревела. С арены уходил юноша, который сегодня получил свое первое прозвище. Пока короткое – Ангел.

Слуги тащили труп, зацепив его крюками, посыпали кровавые пятна свежим песком...

Зеки-фрай довольно улыбался.

Что ж. Парень оправдал его надежды. Был и красивый бой, и эффектное убийство... и прозвище в самый раз пришлось.

Ангел.

Ангел Смерти...

Вечером Энцо сидел на своей койке. Смотрел в стену.

Угрызения совести?

Тоска? Боль? Сожаление?

В том-то и дело, что ничего подобного он не испытывал. И даже знал, когда это началось. Когда Адриенна... Когда он провел ночь в ледяной воде, а она была рядом. Поддерживала его, шептала что-то успокоительное и умоляла, заклинала об одном.

Ты вернись. Ты только выживи и вернись...

Остальное не важно.

Остальное потом, потом, потом...

Ты придешь, и я вложу свои ладони в твои, и мы отпустим прошлое на свободу. А пока – живи! Вопреки всему!

И Энцо обещал ей.

Рядом уселся кто-то...

Энцо посмотрел без всякого уважения.

Ромео Барбадо. Один из гладиаторов, старше Энцо лет на десять, в школу попал несколько лет назад и пока еще жив. На хорошем счету, несколько раз был ранен, но его лечили. Не из первых, из крепких середнячков. Неглупый, серьезный, старающийся поддерживать со всеми хорошие отношения. Хотя в среде гладиаторов это и не слишком принято: сложно дружить с тем, кого завтра могут выставить против

тебя.

Койка прогнулась. Вон какое пузо наел...

Если кто считает гладиаторов такими мускулистыми, стройными и с подтянутыми животами... ой зря! Слой подкожного жира у каждого гладиатора был вполне приличным. И на животе в том числе.

Ячмень, бобы, хлеб, масло – обычный рацион. Кстати, не из дорогих, но все сытное, свежее и достаточно вкусное.

Питались гладиаторы очень хорошо. Тренировались тоже на совесть, но жир – это ведь нужно! И раны тогда не такие болезненные, и, опять же, в такое пузо кинжалом тыкать долго придется, лучше сразу мечом бить.

– Вино будешь?

– Нет.

– А то смотри, у меня есть...

Энцо еще раз качнул головой.

– Нет, сказал же...

– Ты хорошо после боя держишься.

Лоренцо промолчал. Ага, вот он идиот, правда? Ромео в город выходить нельзя. А вино откуда?

А оттуда...

У рабов нет друзей. Потому что сидящий рядом человек – такой же раб. Даже хуже... Энцо хотя бы хозяину не нашептывает, а Ромео наверняка. И согласись сейчас Лоренцо выпить...

Или стоит согласиться?

Нет.

Пороки есть разные, и Энцо для себя уже выбрал. Тот, который будет более безопасен. Вино понижает внимание, расслабляет. У Энцо будет другая слабость, совсем другая...

– Точно не хочешь? – Ромео приложился к кувшинчику.

– Иди отсюда подобру-поздорову, – огрызнулся Энцо. – Сказано же, не хочу!

– И бой у тебя получился хорошим, – не сдался Ромео. – Кто тебя дома учил?

Энцо молчал, смотрел в стену.

Обойдетесь без таких знаний, сволочи. Это – мое...

Через пятнадцать минут Ромео надоело молчание, и он ушел восвояси. Энцо хмуро оскалился и завалился на койку. Сегодня он сделал еще один шаг к своей свободе.

Сегодня он убил еще одного человека. Для зрителей – провокатора, которого все равно приговорили к смерти. А для него – самого обычного бойца, такого же, как и Лоренцо.

И ему на все наплевать. И так будет впредь.

Мия прошла этот путь медленнее. Энцо превращался в чудовище намного быстрее.

Адриенна

– Нет.

– Неужели я так много прошу? – Эданна Сусанна топнула маленькой ножкой. – Мой сын женится!

Дан Рокко положил на стол толстенную амбарную книгу.

Причем с видом: «Вот я бы вас ею и треснул!»

Ага, как же... треснуть-то и нельзя. А без этого воздействие какое-то не такое. Не полноценное.

Остановить эданну Сусанну какой-то кро-охотной книжечкой? С тем же успехом можно было останавливать ею землетрясение или извержение вулкана.

– Эданна Сусанна, в январе вы потратили двенадцать лоринов на плащ...

– Я не могу ходить, словно нищенка!

Плащ темно-зеленого бархата с куньим мехом действительно выглядел потрясающе. Стоил соответственно.

Адриенна, кстати, себе такого не позволяла. У нее был старый суконный плащ с волчьим мехом, вот его она и носила. А перед кем тут шиковать? В провинции?

К тому же... плащ должен быть добротным, теплым и уютным. Что она и получала за свои деньги, и была довольна.

Дан Рокко методично перечислял траты.

Эданна Сусанна постукивала ножкой по полу, дожидаясь его молчания. Наконец дан Рокко выдохся, и эданна подвела итог:

– Найдите еще деньги!

Скрипнула дверь. В кабинет вошла дана СибЛевран.

– Что случилось, эданна?

За это время Адриенна сильно вытянулась, повзрослела... что-то и в ней та ночь поменяла. И месяц болезни. Еще месяц после она ходила как привидение, а потом рванулась в

рост.

Развернулись плечи, проклюнулась маленькая, но вполне отчетливая грудь... четырнадцать лет. В другой семье ее бы и замуж уже отдали.

Лицо стало более взрослым, резко выделились скулы, подбородок, взметнулись черными дугами к вискам тонкие брови...

Адриенна становилась копией Сибеллинов. И – хорошела. Классической красотой это назвать было никак нельзя, сейчас в моде светлые или рыжие волосы, брови в ниточку, высокий лоб...

Но каждый, кто видел ее, поневоле замирал.

Восхищался?

Опасался?

Так, наверное, человек глядит на полосу синеватой булатной стали. Опасное, хищное, умное совершенство.

Впрочем, будь ты хоть каким совершенством, а денег дай! Эданна Сусанна считала совершенно искренне, что Адриенна должна. Вот должна – и все! Причем должна именно все. Деньги, люди... да не важно, что именно! Что эданне Сусанне нужно, то Адриенна и должна ей дать! И окажись перед ней Моргана... да хоть все Сибеллины разом, эданна своего мнения не поменяла бы!

– Свадьба, – вздохнул дан Рокко.

Адриенна посмотрела глазами измученной кошки. Очень выразительно, жаль, безрезультатно.

– Эданна Сусанна, у нас нет денег...

– Адриенна. – Сусанна уперла руки в бока. – Ты не понимаешь! Свадьбу мы провести в Сиблевране не можем! Значит, нужно ехать в Маньи! Ехать не абы в чем! Нужна новая карета, нужны кони, и не твои тяжеловозы, а хорошие, нужен новый гардероб, причем и мне, и Леонардо, и Марку, да и тебе тоже...

– Мне?

– Ты тоже едешь!

– Нет, – коротко ответила Адриенна.

Лицо у эданн Сусанны стало вовсе уж злым.

– Ты хочешь сорвать свадьбу моего сына?!

Адриенна аж дернулась от такого жуткого предположения. Вот уж не дай бог! Заберите его отсюда, пожалуйста! И побыстрее!

– Не хочу.

– Тогда мы все едем в Маньи!

– Но я... у меня дела!

– Дан Рокко прекрасно с ними справится.

– Он хотел поехать к родным, – защищалась Адриенна.

Ага, переспорить эданну Сусанну? Не в этом возрасте! Ой не в этом!

– Осенью поедет! Попозже! Как раз к рождению внука успеет!

Ну да. Выйдя замуж, Джас тут же и забеременела. А чего откладывать? Теперь все трое – она, Антонио и Анжело

ждали ребенка. Ну и дан Рокко – тоже.

Это ведь замечательно! Род прибавляется!

– И я просто...

– Так и скажи, что боишься, – припечатала эданна Сусанна.

– Не боюсь, – огрызнулась Адриенна. – Просто не хочу...

– Вот и отлично. Едем все вместе. Семейно, – надавила эданна. – Итак. Карета, кони, гардероб, подарки... да и свою долю внести надо, пир хоть и будет в Маньи, но... вот как дан Каттанео...

Адриенна что есть сил треснула амбарной книгой по столу. Столбом взвилась пыль.

– Эданна Сусанна!

Бесполезно.

Пришлось торговаться.

* * *

– Кошмар какой-то. Вот где деньги брать? – возмущалась Адриенна. Она бы эданну Сусанну с сыночком вообще выгнала с огромным удовольствием, но – нельзя. Законы. Мачеха. Поэтому придется вкладываться в свадьбу.

– Ну... Леонардо мы спихиваем в Маньи, – философски заметил дан Рокко. – Все экономия.

– Небольшая. На свадьбу больше потратить придется. Часть припасов привезем, понятно... но ведь тоже – день-

ги! Ладно еще рыба, она хорошо плодится. Ну, зерно у нас осталось, специально больше закупали. Дичь можно самим добыть, леса у нас хорошие! Но всякие разносолы? Фрукты? Дан Рокко, ну за что?! А тряпки?! Казалось бы, возьми да пошей, раз тебе новое платье нужно! Так нет же! Модистка! Портниха! А сколько это стоит?! Сами бы и десятью лоринами обошлись, а модистка все пятьдесят запросит! За одно платье! А надо минимум пять! И Леонардо, и отец...

– И вы, дана.

– НЕ ХОЧУ!!!

– Дана Адриенна, а придется. Деньги у нас есть...

Адриенна вздохнула.

Ну есть. Ладно уж...

Его высочество не был ни полным дураком, ни абсолютной сволочью. Да, ему не хотелось жениться, ему не нравилась Адриенна, он вообще любил другую. Но что с того?

В романах тоже любят одних, женятся на других, спят с третьими, и, заметим, практически все герои при этом довольны. Механизм давно отработан.

А потому...

Не придумал он, что подарить невесте. И по-простому прислал ей кошель с лоринами и вежливое письмо, смысл которого заключался в простых словах: мол, сама купишь, что надо и что пожелаешь.

Но ведь принц! На любовницу меньше тысячи тратить зазорно. А на невесту?

Так что у Адриенны было две тысячи лоринов. Которые она пока и не потратила. Громадная же сумма! Если вот так, сразу...

Если подумать, те же Лаццо за год тысяч двадцать – тридцать зарабатывают. Но у них и налоги, и расходы, и в дело вкладывать. А ей вот просто так дали. И она хотела эти деньги вложить!

Вло-жить!

Не растренькивать на эданну и ее сыночка, век бы того не видеть...

Хорошо еще, с каретой и лошадьми сошлись. Адриенна рывкнула даже, в запале, что она поедет как есть. А если эданну что-то не устраивает... вот пусть сама повозки и тянет!

Но минимум тысяча лоринов на все это улетит!

Это хорошо еще, есть подарок принца! А если бы пришлось самой деньги из бюджета выкраивать? Да Адриенна за год на себя и пятидесяти лоринов не тратила!

За год!!!

А тут зараз и предлагается в пять раз больше потратить! На барахло!!! А она еще растет!!!

Выброшенные деньги! И все этим сказано!

– Эданна, пошить тоже можно по-разному, – предложил дан Рокко. – Так, чтобы потом можно было... там, не знаю... рукава и подолы подлиннее сделать – да подшить, платье со шнуровкой, чтобы потом распускать... Я тогда столько не за-

рабатывал, а девочек одевать нужно было. Супруга моя и заботилась... что-то такое я помню. Хотите – Джачинте напишу? Она подскажет, она во всем этом лучше разбирается...

Адриенна кивнула.

– Ладно, дан Рокко. Я поговорю с портнихой. Но подарки...

– Дана Адриенна, у меня есть одна идея...

– Идея?

– Конечно. Лошадь – чудесный подарок, – улыбнулся дан Рокко. Только масть подберите для невесты. Для нее белую, для него, скажем, вороную, и преотлично будет. Сиблевран, считайте, хорошо отдарится...

– А...

– А сбрую и седло закажем у местного шорника. Я ему дам вот то, которое вам Тоньо подарил, пусть посмотрит и под него сработает.

Адриенна почесала кончик носа.

– Он так сможет? Там же тонкая работа...

– Дана Риен, да кто там на тонкости смотреть будет? Выделим ему серебро и бархат, и пусть ляпает, лишь бы пороскошнее...

Адриенна подумала пару минут и кивнула. Пожалуй, что... и дорого выйдет, и роскошно, и отговориться можно всегда.

– Давайте так и сделаем, дан Рокко.

– Уже расходов и поменьше?

Адриенна скрипнула зубами.

– А я еще и так скажу. Мы когда в Альмонте были, я поговорил кое с кем... знаю лавочку, в которой вам хорошие ткани продадут подешевле. Так что платье не в пятьдесят лоринов выйдет, а, скажем, в тридцать, может, и того меньше...

Адриенна едва дану Рокко на шею не кинулась.

– Ох, дан! Что бы я без вас делала?

– А что бы делала без вас моя дочь? Мой внук? Да и меня уже не было бы, – резонно ответил дан Рокко. – Вы не переживайте, дана. Справимся, не та это беда, чтобы горевать, а та, чтобы горе избывать.

Адриенна и спорить не стала.

Избывать?

Вот работой его избывать и будем. И попробуйте только кто сказать, что дане не подобает! Утоплю!

В родном пруду!!!

Мия

На скамейке в храме скорчилась, съежилась грустная фигурка. И столько в ней было боли, столько отчаяния...

Падре Норберто Ваккаро провел службу как должно и людей принял как положено.

А Мия все сидела и сидела... она долго не могла решиться прийти сюда. Очень долго. Сил не было ни на что. От девочек она вообще не отходила.

И Джакомо ее не трогал. Давал время пережить горе. Лад-

но, у него так не было, когда он про Пьетро узнал. Но то другое. А вот когда мама умерла... мать Джакомо любил. Одну, из всей семьи...

Пусть Мия переживет свое отчаяние, пусть переболеет этим, как чумой, а потом уж можно будет и новое задание ей давать.

Мия и «болела».

Каждую ночь она видела Энцо во сне. И ощущение-то было... все у него в порядке! Все хорошо! А просыпалась и вспоминала... и вот этот конфликт рвал ее душу и разум на части. Она и в храм-то сообразила прийти далеко не сразу, была уверена, что Господь ее не услышит. Но потом вспомнила про падре Ваккаро.

Подумала...

Ладно – она. А за Энцо попросить?

Это же другое! И Мия отправилась в церковь.

Кажется, она даже времени не ощущала. Сидела и молчала, погруженная в свое горе, свою боль, свое отчаяние. Наконец падре смог подойти и присесть рядом с ней на скамеечку.

– Здравствуйте, дана.

– Здравствуйте, падре... – тихо ответила Мия.

– У вас горе.

Падре даже не спрашивал – утверждал.

А чего тут думать? И синяя лента в волосах, и тоскливые глаза, и само... ощущение, что ли? Когда столько лет в хра-

ме... поневоле научишься людей понимать. Они ведь сюда все несут.

Горести, радости, проблемы, решения...

– Горе, – тихо отозвалась Мия. – Мой брат... я не знаю, погиб он или нет. Он пропал без вести, в море... тела не нашли, но и выжить, говорят, он не мог. Никак не мог...

Падре взял ледяную руку, сжал...

– Молитесь, дана. Молитесь за него как за живого.

– Вы думаете, падре?

Мия и сама говорила себе, что не верит, что он жив, жив, ЖИВ!!! Но когда рядом с тобой это кто-то произносит, становится легче.

– Надежда остается всегда. Даже там, где нет ни тьмы, ни света, есть надежда.

По бледным щекам Мии побежали слезы. Впервые.

Не крик, не вой, не стон... она впервые смогла заплакать.

– Я иногда думаю, что это мое наказание, падре. Я была плохой... я и осталась плохой. Я нарушаю заповеди и буду нарушать их впредь. И Энцо умер.

Падре только вздохнул.

Вот вроде и умные люди... а все равно – такие дети!

– И что вы делать собираетесь, дана?

Мия независимо дернула плечом.

– Я не знаю.

Пальцы у падре Норберто были теплые. А у нее – ледяные. И она постепенно отогревалась рядом с ним. Только вот боль

не уходила. Сидела под сердцем тупым гвоздем, свербела...

– Вы теперь грешить не будете? – ласково уточнил падре.

– Буду. – Мия даже не сомневалась в своем ответе. Дядя не поймет, реши она страдать и плакать. Тем более отказываться от заказа. Какое-то время ей отдохнуть дали, но девушка даже не сомневалась – недолгое. На земле живем, не на небе.

Да ей и самой деньги нужны были.

Ремонт домика на Приречной-поперечной проделал в ее финансах определенные... дыры. Это ж и рабочие, и материалы, и все проплатить надо, а тридцать процентов еще и на воровство скинуть. Может, и чуточку поменьше, но все равно – своруют! Хоть ты с топором над ними стой! Хоть как!

– Вот видите. Вы всерьез считаете, что за ваши грехи вас Бог наказал, отняв вашего брата?

Мия хлюпнула носом.

Как-то это неправильно звучало...

– Вот-вот, дана. Наказывали бы вас, коли уж грехи – ваши.

– Мне ведь и больно?

– А когда б вы заболели, или скрючило бы вас, или искалечило... Бог ведь всемогущ, нашлась бы и на вас подходящая болезнь, – предположил падре.

– Ну... не знаю.

– Все мы думаем, что мы-то и есть самый центр мира, дана. И без нас ничего не будет, ни солнца, ни звезд...

– Может, и будут, – буркнула Мия. – Я их уже не увижу.

– Будут, дана. Вы мне поверьте, ваши грехи – они ваши и есть. Никто их у вас не отберет. И на другого человека не навесит, чай, не ручная кладь, чтобы с одного осла на другого переваливать.

Мия представила себя и Энцо в виде двух осликов и улыбнулась. Пока еще краешками губ.

– А...

– А ваш брат – другой человек, и дорога у него своя, и грехи свои, и дела тоже свои. Если послано ему испытание, так оно ему и послано. Не обольщайтесь, ваше у вас еще впереди.

– А почему мне больно уже сейчас? Если испытание впереди?

– Потому что вы – живая, дана.

Мия невольно фыркнула.

– Была б я мертвая, не пришла бы.

Падре Ваккаро улыбнулся. Ну все, шутить начала дана, улыбаться... отгадывает! Никуда не денется...

Когда с нашими близкими случается беда, мы ведь воспринимаем это иначе. Мы спрашиваем, в чем виноваты **МЫ!** Потому что больно **НАМ**, потому что своя рана тяжелее, сильнее свербит...

Чужую боль мы воспринимаем через призму своего эгоизма. Вот и весь ответ...

А если еще мы чувствуем за кого-то ответственность, думаем, что не уберегли, не защитили, не позаботились... вот

так с Мией и произошло.

Это падре и попробовал объяснить Мие, понимая, что совет «молиться и все пройдет» ей ни к чему. Слишком деятельная натура. Слишком умная...

Мия внимательно слушала. А потом подвела итог:

– Падре, вы можете помолиться за моего брата?

– Могу, дана. И вы приходите... помолимся вместе.

– А можно...

– Можно и сейчас.

Падре взял Мию за руку и подвел к иконе. Первый опустился перед ней на колени.

– Господь милосердный...

Мия сложила руки, посмотрела на икону.

Как молиться? Какие слова найти, когда привычные не дарят облегчения? Когда молитвы кажутся громоздкими, тяжеловесными, неудобными...

Мия не могла найти слов. А падре нашел их. И все было правильно, потому что она просила...

Она просила для себя. А падре молился за человека, которого даже ни разу не видел. Не для Мии, а просто – для Энцо.

Пусть смилуется Господь, пусть Лоренцо Феретти останется жив, пусть все будет хорошо...

И Мие казалось, что Господь его слышит. Ее, наверное, нет, она не заслужила. А вот падре – обязательно слышит.

И на душе становилось чуточку легче.

Домой Мия хоть и не летела, но шла вполне спокойно. Даже улыбалась...

Энцо жив. Она это всем своим существом чувствует. Он пока не может дать о себе знать, но братик жив, жив, ЖИВ!!! А падре Ваккаро за него помолится. Больше Мия пока сделать не может ничего.

Джакомо придирчиво осмотрел племянницу.

– Мия, я смотрю, тебе полегче?

– Да, дядя.

– Отлично. У нас есть заказ. На выезде. Пройдем в мой кабинет?

– Конечно, дядя.

Мия понимала, что так лучше. Поедет она, развеется немного.

В кабинете Джакомо устроился в кресле, кивнул Мие на второе.

– Ты сможешь сейчас... работать?

Мия прислушалась к себе. Джакомо спрашивал о другом. Сможет ли она контролировать себя, сможет ли превращаться... все же метаморф сильно зависит от своих эмоций. А она вся была никакая... просто – никакая.

– Да, дядя. Я смогу.

– Это хорошо, – кивнул Джакомо. – У нас есть заказ на

эданну Фабиану Маньи.

– Так? А подробности? Что за эданна, что требуется от нас?

– Эданна Фабиана Маньи, возраст... нет, не помню, лет двадцать пять, может, чуть побольше, – пожал плечами Джакомо. – Ситуация там простая. Ее супруг, дан Маньи, оставил двоих детей и вдову несколько лет назад. А еще наследство. Наследство там состоит из двух частей. Собственно поместье Маньи – достаточно большое, хорошее, способное приносить доход. Оно отошло к сыну дана Маньи.

– И?

– И деньги. Вторая часть наследства – деньги, Мия. Эданна собирается замуж за молодого парня, естественно, тратить деньги она будет на него и на себя.

– А на кого надо? – неприязненно уточнила Мия.

– По мнению ее свекрови – на поместье и на детей.

– Хм...

С этим спорить было сложно. Мия думала примерно так же.

– Эданна Маньи считает, что если... то есть когда Фабиана выйдет замуж, ни монетки никто не увидит. Кроме того, молодой муж выразил горячее желание забрать детей у бабушки.

– Та-ак...

– Да. Она тоже подозревает, что, это неспроста. Более того, подано королевское прошение, и дан Леонардо Манчини

желает взять фамилию Маньи.

– Манчини...

Мия задумалась. На ум ничего не приходило...

– Ты не в курсе истории, и я не стану ее рассказывать полностью, – отмахнулся Джакомо. – Просто мать у дана Леонардо – записная шлюха. И фамилию... вряд ли даже она знает, от кого ее сын. Старый Манчини дураком не был, и его семья мальчишку тоже не признала.

– Ага...

Смысл Мия поняла.

Если семья мальчишку не признала, а фамилию он носит... издеваться над ним, конечно, не будут. В глаза. А вот за глаза шепоток идет, его не заткнешь и не уймешь. И желание поменять фамилию у него, понятно, есть. Чтобы не видеть глумливой ухмылочки на лицах людей.

Важно ведь и как посмотрят, и как улыбнутся... и за взгляд не вызовешь на дуэль. Это просто взгляд.

– Я знаю, такие решения должен согласовывать его величество... это долго.

– Не в данном случае. Эданна Манчини, мамаша дана Леонардо, является подругой эданны Вилецци. А эданна Вилецци...

– Активно греет постель его высочества, – кивнула Мия. – Я помню.

– Ну, в последнее время у нее появилась конкурентка, – хмыкнул дядя. – Между прочим, дана Алессандра Карелла

очень похожа на тебя. На ту, которую видел принц.

Мия пожала плечами.

Похожа – и что же? Она совершенно не собиралась являться в гости к его высочеству. Было и прошло. Ей даже в бордель наведаться не хотелось. Вообще не хотелось иметь дела с мужчинами.

Зачем?

Каких-то невероятных чувств она не испытала, просто знала, на что способно ее тело. И достаточно.

Джакомо кивнул то ли Мие, то ли своим мыслям. Все же он не ошибся, когда предложил девушке такое решение. А то юные девицы или начинают романтизировать сношения, или, наоборот, – шарахаются от каждого мужчины. А тут...

Было, попробовала, теперь относится ко всему спокойно. Приятно смотреть.

Идеальное оружие растет. Просто идеальное.

– Так вот. Прощение удовлетворят быстро. Свадьба состоится осенью. Точнее, в конце лета...

Мия кивнула.

– А нам когда надо поработать?

– Нам уже надо выезжать в Маньи.

– Зачем? – удивилась Мия. – Если до свадьбы еще месяц?

– Дело в том, что нам заказали несчастный случай ДО свадьбы. И очень просили не привлекать к нему внимания.

Мия задумчиво кивнула. В принципе понятно. Если эдан-на помрет после свадьбы, муж все равно будет наследником.

В этом ничего хорошего нет. Деньги из семьи уйдут.

А вот если ДО свадьбы...

Бывает, горе-то какое... сердце не выдержало, печень отказала... тут надо смотреть, что именно у эданны не в порядке.

– Хорошо, дядя. Я только вещи собираю... Когда нам выезжать?

– Хоть завтра. Я готов.

Мия кивнула. И отправилась собирать вещи.

* * *

Сестренки проскользнули в дверь, когда она укладывала в сундук несессер с ядами.

Да, Мия начала собирать свою коллекцию. Что-то дарил ей Джакомо, что-то она покупала самостоятельно, на что-то расщедрился Комар.

После того как его величество изволил употребить Осьминога самолично, Комар подгрел под себя примерно пятую часть его наследства. И собирался увеличить долю.

Мия к этому, конечно, никакого отношения не имела, ходили слухи, что Осьминог (вот полудурок-то!) полез в политику. А туда никому нормальному не надо, это уж точно.

Грабь, режь, убивай... но стоит тебе влезть в придворные интриги – и все. Конец.

Но если Осьминог об этом не знал, кто ему лекарь?

Комар же, лишившись соперника и приобретя деньги, был благодушен и щедр на премии. Особенно за удачно выполненную работу.

– Мия, ты уезжаешь?

Серена, как старшая, начала первой. Джулия просто смотрела.

– Да, сестрички. Я ненадолго, может, на месяц.

– Не в море?

– Нет, – тут же успокоила их Мия. – И я собираюсь вернуться.

– Энцо тоже собирался, – хлопнула носом Джулия. – Мия... это обязательно? Уехать?

Мия только головой покачала.

– Серена, Джулия, вы уже взрослые, – начала она, аккуратно подбирая слова.

– Да, – похвасталась Серена. – Дядя говорит, что года через два-три меня и замуж выдавать можно.

Мия пожала плечами.

В принципе, четырнадцать лет... кого и раньше выдавали. Но это мы еще подумаем и абы кому сестру не отдадим.

– Вот. А приданым кому-то из вас станет Феретти...

– А тебе, Миечка?

Мия качнула головой.

– Я не уверена, что выйду замуж. Но не в этом дело. Нам с дядей надо съездить в Феретти, посмотреть, как там идут дела.

– Там же управляющий? – удивилась Джулия.

Мия потрепала младшую сестренку по темным волосам.

– Запомни, солнышко, никогда не доверяй управляющему. Всегда все проверяй.

– Хорошо. А дяде?

– Никому.

Джулия серьезно кивнула. Интересно, запомнит, нет? А, не важно. Мия будет рядом и присмотрит. И за сестренками, и за их мужьями... никуда они не денутся.

Жаль, что про зеркало мастера Сальвадори пока узнать ничего не удастся. Но это терпит. Она еще найдет время...

И Мия принялась укладывать в сундук бархатную пелерину.

О том, что Энцо тоже не планировал ни исчезать, ни пропадать, она старалась не думать. Ни к чему. Она точно не исчезнет.

Нет у нее такого права. Девочки и так лишились отца, матери, брата... даже нянька вышла замуж! Мия обязана остаться в их жизни. До замужества – обязательно. А потом у них и поважнее дела найдутся. Стоит только на Марию поглядеть – и сразу ясно. Семья не оставит времени ни на что другое. Еще и суток маловато окажется.

Адриенна

Дни до отъезда!

Минуты, секунды...

Адриенна хоть что готова была считать! Сил не было никаких!

Маньи, черти б его побрали со всеми обитателями! Гр-р-р-р-р!!!

Ладно, не со всеми. Сын и дочь эданной Фабианы, Адриано и Анунциата, были вполне очаровательны. Милые, умные, воспитанные дети, поговорить с которыми было Адриенне только в радость.

Старая эданна Маньи тоже нравилась дане СибЛевран. Она не лезла в личную жизнь невестки, не оплакивала мужа и сына... она просто занималась воспитанием внука и внучки.

Девушка это одобряла. Было в таком подходе нечто... правильное.

Эданна Диана не могла изменить происходящее, не могла вернуть тех, кто ушел. Но ее забота и любовь были нужны тем, кто остался. И она щедро уделяла их внукам.

На Леонардо и СибЛевранов она смотрела как на компанию особо жирных глистов, которые заползли в ее дом. Адриенну это злило, но что, что она могла сделать?!

Бегать и орать, что она не такая? А поверят?

Вот для всего мира она именно такая. Как Сусанна, как ее сыночек, как... та же Фабиана. Это дан Марк ничего не замечает, глядя на выдающийся бюст своей женушки. А она видит. И Адриенне жутко неприятно подобное к ней отношение.

Вроде как кто-то воровал, а ты рядом постояла, вот на тебя подозрение упало. И не отмоешься...

Само поместье Маньи было достаточно роскошным и богатым. Не королевский дворец, конечно, но и не СибЛевран. Ковры на полу, бархатные портьеры...

Уже на второй день Адриенна достаточно близко подружилась со слугами, которые и рассказали ей, что эданна Фабиана... так-то она человек неплохой, и свое приданое у нее было. Но после смерти мужа она вовсе уж распустилась. Старой эданне это не по нутру, но денег у нее нет, Фабиана ее терпит, пока эданна Диана ее детьми занимается, а если что не так – отправит свекровь во вдовый дом. Без разговора...

Адриенна подумала, что это жестоко. Но не ей чужую жизнь обсуждать, со своей бы разобраться. И старалась особенно никуда не лезть.

Зачем?

Ей и так было неплохо. Тишина, покой, библиотека, которая в Маньи была намного лучше, чем в СибЛевране... даже библиотекарь был. Адриенна договорилась с ним насчет списков с некоторых книг. Старых, еще сто – сто пятьдесят лет тому назад написанных...

Дорого?

И так потратились! Чего уж по волосам плакать, когда головы лишился?

Пока одно, пока второе... считай, полторы тысячи лоринов как корова языком слизнула. Она бы и больше пролиза-

да, но повезло. О королевских подарках никто, кроме Адриенны и дана Рокко, не знал. Не то чтобы специально скрывали, а так получилось.

Прибыл гонец, привез пакет для даны СибЛевран...

Тут даже дан Марк посчитал, что пакет Адриенна должна открывать сама и в своей комнате. А девушка, когда увидела деньги, решила посоветоваться с даном Рокко.

Прилично ли принимать такие подарки?

Подобает ли дане?

Оказалось, что не особенно, но после помолвки – можно. Помолвка – это, считай, как свадьба, вы уже почти муж и жена, только еще не... не подтвердили брак. Поэтому муж может давать деньги супруге, ничего страшного в этом нет.

Но если супруга умна, она не будет всем подряд о них рассказывать.

Адриенна и спорить не стала. Зачем?

Она промолчит, а потом что-то полезное в хозяйстве купит. Или еще один пруд зарыбит. Или с ньором Лаццо поговорит... тоже дело!

Что-то на ярмарке купить подешевле, а в столице продать подороже. Вот и будет хорошо.

Теперь уже и советоваться смысла нет. Ни к чему. Пятьсот лоринов – хорошие деньги, но могут и еще траты быть.

Одни платья чего стоили!

Хотя выглядела Адриенна отлично. Пастельные тона, которые подобает носить юным данам, ей решительно не шли,

и она заказала платья из тканей насыщенных, ярких цветов. Темно-синий, черный, белый, темно-зеленый, вишневый...

Даже эданна Сусанна признала, что Адриенна выглядит в них красавицей. Она тоже не осталась без обновок, но это понятно.

А вот кто сильно беспокоил девушку – это Леонардо.

Казалось бы – тебе чего? Ты своего добился, вот богатая невеста, обхаживай ее, женись и радуйся. Но... то ли они наконец оказались в постели. То ли Леонардо начал понимать, что его ждет...

Адриенна не знала ответа.

Но дан Манчини словно бы раздвоился. Днем он был очарователен и великолепен, он старался обаять всех, включая детей и эданну Диану, он улыбался и играл на лютне, он танцевал и рассыпал комплименты.

А вот когда его не видели...

* * *

Адриенна тоже ничего бы не заподозрила. Все получилось само собой.

Она сидела в беседке, в саду. Беседка эта ей нравилась тем, что была живой. То есть несколько скамеек и прутья, обильно перевитые виноградной лозой. А лозы можно раздвинуть, можно выйти из беседки в любую сторону, а можно и просто сорвать гроздь винограда и жевать в свое удоволь-

ствие. И читать книгу.

Адриенна так и делала.

С тех пор как она приняла свое наследие, ей было в таких местах хорошо и спокойно. Тянуло на природу, на воздух, на волю... и, наоборот, раздражали каменные стены. Сиблевран – другое, там дом. А вот что она в королевском дворце делать будет?

Адриенна старалась пока об этом не думать. Можно отдохнуть здесь и сейчас?

Делаем!

Когда на дорожке заскрипел гравий, ей даже не надо было выглядывать. Отодвинула виноградный лист – и вот он! Леонардо, во всей красе, идет к беседке.

Один.

Встречаться с даном ей совершенно не хотелось, так что Адриенна встала на четвереньки (совсем неподобающим образом) – и юркнула под скамью, не забыв прихватить с собой книгу. Там раздвинула лозы – и выскользнула из западни. Сейчас Леонардо усядется, а она отползет подальше и удержит.

Так делать нельзя?

Может быть. Но и встречаться лишний раз с человеком, который вызывает у тебя отвращение, тоже не хочется. Да и о чем с ним разговаривать? Портить хороший вечер формальными гладкими фразами? Лицемерить? Терпеть гадкое существо, когда хочется посидеть в тишине и почитать?

Лучше уж спрятаться и переждать, как непогоду.

Ее увидят?

А вот и нет, ничего не увидят... Адриенна погладила виноградную лозу по корням, быстро шепнула первое, что пришло в голову:

– Скрой меня...

И даже не удивилась, когда налетел легкий ветерок, шевельнул ветки, растопырил кустарник... благо она была удачно одета, в темно-зеленое. То ли девушка, то ли трава проросла... не понять! И не отличить.

Адриенна знала: если она захочет удалиться, Леонардо ее не увидит. Если не выглянет из беседки в эту конкретную минуту.

А может, он сам уйдет?

Ладно, она немного подождет. Сейчас ее точно не заметят, если не двигаться.

Леонардо вошел в беседку, огляделся, помолчал пару минут, а потом вдруг принялся ругаться. Да так грязно и гадко, что Адриенна штук десять новых слов узнала. И отползти потихоньку не получалось: мужчина топал ногами, бесился, даже несколько раз скамейку и столбы беседки пнул, хотя они точно ни в чем не виноваты...

И с чего это он? Почему его так разобрало?

Уже потом, спустя минут двадцать, когда Леонардо таки отвел душеньку и вышел из беседки, Адриенна смогла выползти наружу. Еще и порадовалась.

Кого-то другого могли бы заметить. А ее... ее – нет. Она же Сиблевран... плоть от плоти этой земли, суть от сути.

Отвод глаз?

Нет. Просто она попросила помощи. Как смогла, как сумела. И трава, деревья, кусты – помогли. Скрыли девушку от чужих глаз.

Приятно.

Кто его знает, что так разозлило Леонардо. Но ей бы он точно гадостей наговорил и настроение испортил надолго...

Нет уж!

Адриенна без такого обойдется!

И выяснять, что с ним не слава богу, она тоже не будет. Пусть эданна Сусанна бегают, это ее сын... шепнуть ей пару слов? Адриенна подумала над этим, но потом решила не лезть и промолчать.

Ни к чему.

Ее сын, ее дело. Не Адриенны, не Сиблеврана. Сами, пусть все – сами! Адриенны тут и рядом не было. Вообще. Точка.

Глава 2

Лоренцо

Энцо не считал дни, которые провел в плену.

Зачем?

Если начать их считать, получится вовсе уж страшное число. Каждый день несвободы идет за год. А то и за два.

Это день, в который ты смотришь утром на небо и понимаешь, что ты – вещь. Вот как плащ или сапоги... И сделать с тобой можно что угодно. Что хозяину изволится...

Впрочем, Энцо уже был ценным плащом. Или сапогами. Полезное имущество, нужное.

На арену он выходил стабильно – три раза в месяц. Исключение было сделано только один раз, когда на тренировке Энцо не успел увернуться, и получил трезубцем по ребрам.

Сильно.

Он еще не привык сражаться с ретиариями. Леоне обучал его против кнута, а вот против сети... приходилось узнавать многое.

Энцо усиленно тренировался, выкладывался до донышка, но... опыт!

Учителя школы натаскивали его не просто на поединок – на эффектный поединок. С человеком, который вооружен любым видом оружия. Раньше-то у Энцо такого не было!

Ну, меч, кинжал, щит, кнут... метательные ножи...

Но не все подряд!

И не поединок! Очень большая разница подходов. И Цезаре, и Леоне учили его, как убить врага эффективно и быстро. А на арене требовалось убивать эффектно и медленно. Считай – все заново, переучиваться.

А еще на арене был громадный разброс вариантов для поединка. Ты не знаешь, кого против тебя выставят, но должен быть готов ко всему. Есть, конечно, стандартные пары, к примеру, того же ретиария часто выставляли против секутора, мурмиллона против фракийца...³ Но это – не обязательство.

Это просто возможность. Фракийца могут выставить против мурмиллона, а могут и против гопломаха.

Эквиты (на конях) сражаются между собой? Конечно. Но если есть провокатор, то могут и на него поохотиться. Так, к примеру. А провокаторы вообще могут быть вооружены чем угодно, в зависимости от желания ланисты.

Тем не менее к Зеки-фраю у Лоренцо претензий не было.

Самое забавное, что именно так. Сначала Энцо бесился, просто убить мечтал покупателя. А потом пригляделся внимательнее. И изменил свое отношение. Зеки-фрай не был дураком, а Лоренцо уважал умных людей.

Как только ланиста понял, что ему в руки попал алмаз, которому просто требуется огранка, он переменял свое отношение к Энцо.

Хороший воин – большая редкость.

---

³ Тоже римская классификация, в зависимости от типа оружия. (Прим. авт.)

Ну да, кто-то из гладиаторов сражается по найму, и они неплохи в своем деле, кто-то сражается, потому что он раб... и среди них тоже таланты встречаются. Но Энцо...

Ланиста впервые видел такое идеальное сочетание.

Отличная физическая подготовка, привыкание к любому виду оружия, ну вот практически – сразу! Да что там!

Чтобы овладеть той же сетью, людям по несколько лет требуется!

Кто-то думает, что так все просто? Да гладиатора год готовят! А то и больше, прежде чем выпустить на арену.

Кстати, во многом это определяет питание. Ладно еще рыба – в приморском городе она не слишком дорога. А вот вдалеке от моря...

Да, злаки, овощи, фрукты – их много, они дешевы, их легко купить, привезти, сохранить... вот и составляют они основу рациона гладиаторов. Другие причины тоже есть, но основная – эта. Хозяин кормит гладиатора год, даже больше. А будет ли отдача? Или этот человек окажется негодным в первом же бою?

Кстати, такое тоже бывает.

Кто-то не может убить. Кто-то боится смотреть на клинок... то есть человека атакуют, а он шарахается, глаза закрывает... К идеальному гладиатору много требований.

И Лоренцо Феретти отвечал им идеально. Он был эталонным бойца.

Спокойный, хладнокровный, безжалостный, рассудитель-

ный – и в отличной физической форме. Конечно, Зеки-фрай не смог пройти мимо!

Сколько лет он бойцов тренирует? Сколько уже видел... всякого?

Он проверял Лоренцо, для начала на пробных, более легких поединках. Потом он будет усложнять и усложнять. Но уже сейчас...

Ему в руки попало сокровище.

За таким и из столицы пришлют, не побрезгают... а вот хочется ли Зеки-фраю отдавать своего Ангела? Особенно за «спасибо» и слово доброе?

Хозяин ведь не заплатит...

Если бы Зеки-фрай выкупал юного гладиатора за свои деньги, дело другое. А он-то за счет школы... и теперь не перепишешь историю. Не скажешь, что ценный раб сбежал, не присвоишь его себе.

Ангел УЖЕ известен, он уже вышел на арену, и спрятать его... какой тогда смысл?

Гладиаторский мир достаточно узок.

Тут слово, здесь слух... нет, не спрячешь и ничего не переделаешь. Остается выжимать свою выгоду. Впрочем, Энцо это тоже понимал.

Зеки-фрай нарадоваться на него не мог.

Правда, проявлялась эта радость пока в куске мяса, прибавленном к пище.

В отдельной комнате.

В женщине...

Да, Лоренцо Феретти, отлично понимая, что у каждого человека должен быть порок, придумал его себе сам.

Вино? Пьянице на арене не место, а мало пить при таком пороке не получится.

Азартные игры? Да то же самое. Это можно где в другом месте разыгрывать, а в бою хорошо видно, кто азартен, кто спокоен... Лоренцо понимал, что у него вообще азарта нет. Никакого.

И как он его изобразит?

Кстати, он и игр-то никаких не знает. Купцы к ним вообще относятся с отвращением, а охранники научить не успели. Тренировками были заняты.

Табак? Энцо вообще в нем ничего хорошего не находил. Хоть ты трубку кури, хоть кальян – гадость вонючая. И тошнит потом, фу...

Оставались женщины.

Лоренцо безумно не хотелось изменять Адриенне. Но... разве у него был выбор?

Если у человека нет порока, к нему будут относиться настороженно. А тут все ясно – бабник! В борделе Энцо бывал, что делают с женщинами, вполне представлял. И когда Зеки-фрай предложил ему награду в виде девки...

Энцо разве что сделал вид: боюсь!

А вдруг? Она чистенькая или нет? Кому ж охота от срамной болезни сгнить?

Вот это Зеки-фрай преотлично понял. И поскольку при школе жили несколько врачей, успокоил парня. Все входящие девки проверены.

Во-первых, они все присылаются из одного и того же борделя.

Во-вторых, они проверяются в борделе. Это не дешевка какая для портовых матросов и прочей швали, это дорогое заведение, элита...

В-третьих, они дополнительно проверяются уже в школе гладиаторов. А то как же?

Сколько вложено в мужчин... чтобы какая-то шлюха всех и разом... того? Перезаразила?

Вот еще не хватало!

Первый раз Энцо постарался подольше не выпускать девку. Потом уже просил об этом, как о награде. Ланиста не возражал.

Школа гладиаторов.

Здоровые молодые мужики. Которым нужны бабы. Или будут процветать совсем другие отношения. Ладно, в Арайте они не под запретом, но ведь этим мужикам на арену выходить! Друг против друга сражаться!

И как? Если они друг друга... того? Любят? Или ненавидят? Зрители бои приходят посмотреть, а не бабские разборки, это-то у них и дома, на кухне имеется.

Так что...

Хотите девочек – вызовем девочек. Хотите мальчиков –

вызовем мальчиков, бордели и на них зарабатывают. Но сначала заслужите.

Будете себя хорошо вести, будете побеждать – будет и своя комната, и девка на всю ночь.

Нет? Ну... разрядка какая-то нужна, но выглядеть это будет совершенно иначе. В общей очереди, с одной бабой на всех, к примеру, по пять-семь минут на человека.

Сделал дело?

Свободен!

Конечно, Лоренцо быстро стал предметом зависти многих гладиаторов. Но обвинить в этом Зеки-фрая он не мог. Любой на его месте оказался бы в том же положении.

Зеки-фрай всего лишь делал свою работу. И делал ее хорошо.

Собаку надо кормить, учить, хвалить, награждать – тогда она и работать будет идеально. Наказывать тоже, но Энцо пока еще не наказывали. Он старался не давать повода. Он тоже делал свою работу.

Усыплял подозрения. И сохранял себя целым, невредимым и живым. Он должен вернуться домой.

Остальное?

Даже несмотря на ровное отношение к Зеки-фраю... если бы Энцо сказали, что завтра надо его лично убить, содрав шкуру, он бы это сделал. Только бы попасть домой.

Сейчас Энцо ждал своего поединка.

Впрочем, сегодня на арену пришли не только за этим...

Таможенник...

Да, и такое бывало. Ладно бы воровал! Все воруют! Но этот... не Керем-фрай, точно, кто-то другой, Энцо просто выкинул из головы имя несчастного. Он не просто проворовался!

Он еще и не поделился с начальством! А это грех вовсе уж непростительный!

Вот и стоял сейчас несчастный таможенник посреди арены.

И ему зачитывали приговор. Энцо поглядывал краем глаза. Интересно, с кем будет сражаться этот пузан? Он же разве что упадет, покатится – и собой кого задавит! Вообще туша тушей...

Арайский Энцо выучил отлично, но улавливал лишь обрывки слов.

За преступление...

Наказание...

Выпустить диких зверей...

До смерти одной из сторон...

Несчастный таможенник потел, краснел, бледнел... и кажется, уже попрощался с жизнью, когда на арену выпустили...

О, это были очень, очень дикие... шесть зайцев!

Публика грохнула смехом.

Энцо хмыкнул. Вообще-то те, кто считает заек милыми и добрыми лапочками, сильно заблуждаются. Наверное, ни ра-

зу не видели, как милый пушистик может ударом задних лап волку брюхо вспороть⁴. Но ведь не львы, не волки, не медведи... перелови – и свободен!

Таможенник тоже порадовался. Сначала...

Но ловил он их по арене битый час. Пыхтел, потел, носился за зайцами... кстати – вполне ревностно носился. Понял и оценил, видимо.

Ладно, на посмешище выставили? А если бы просто прибили? Его бы любой гладиатор в три минуты на составляющие разделал, что ту колбасу...

Дураком таможенник не был... или не круглым дураком хотя бы, а потому и старался. И вышел наконец победителем. Хотя и извалялся от души, и синяков насажал, и ссадин получил...

Но это были уже мелочи.

Энцо тоже потешался от души над толстяком. И уже внимательно смотрел на следующий поединок.

И еще на один.

А потом пришло и его время... его бой.

* * *

Сегодня Энцо был вооружен коротким мечом и щитом. Противник – копьем и длинным кинжалом. Радовало хотя

---

⁴ Знакомый лесник рассказывал. Правда или нет – не знаю. (Прим. авт.)

бы то, что на руках и ногах обмотки. Но и у Энцо, и у его противника.

Значит, бить надо в корпус.

Плохо, что у противника в руках копьё. Энцо уже приходилось так драться, но провокатор хуже владел оружием.

С другой стороны, тут у него есть щит...

Противники начали медленно сходитьсь.

Энцо ждал.

Первым потерял терпение его противник. Удар... копьё змеиным жалом понеслось к юноше.

Энцо отпрянул, ударил по копьё щитом, сбивая направление удара.

И снова – круги друг напротив друга.

И снова – удар.

Перерубить копьё? Смахнуть наконечник? Ага-ага, мечом, коротким и достаточно легким, при воинах такое не скажете – смеха будет на месяц...

Почему мечом не рубят дрова для костра? Да потому, что не получится. Меч не перерубит древко копья, можно разве что затупить клинок, выщербить... а если...

Опять удар, в шею... с-сволочь! В живот, теперь подсесть ноги – копьё дает преимущество... что ж ты такой здоровый-то!

Противник вроде как и вовсе не притомился, вертит древко, словно веточку! Попробовать подставиться? Нет, лучше не рисковать. Но и долго затягивать не стоит.

Кружение затягивалось. Энцо принял решение и бросился вперед.

Шаг, второй, удар щитом по копьё – сбить в сторону. Удар щитом в лицо Энцо – отбить мечом с такой силой, что у самого немеет запястье. Но противнику наверняка еще веселее. И теперь уже Энцо бьет противника щитом в лицо.

Жестко, сильно, безжалостно...

Хрустит сломанный нос, запрокидывается голова.

На арену льется потоками кровь.

Нет, это не убийство. Но даже если ладонью рубануть по кончику носа снизу вверх, человеку будет ну очень плохо. А если щитом, да с дури...

Не убил.

И шею не сломал. Но врагу легче от этого не стало. Гладиатор упал на песок, поднял три пальца в знак поражения...

Зрители не возражали. Крови они увидели уже достаточно. Пусть поживет... милуем?

Милуем!

И Энцо отправился в раздевалку. На сегодня он свое отработал. Можно отдыхать. Из минусов – несколько синяков, а рука еще пару дней ныть будет. Но противнику точно хуже... интересно, он курносый до конца дней своих не останется? Но это уж точно не дело Лоренцо Феретти.

Вечером к Энцо опять зашел Ромео. Лоренцо только зубами скрипнул.

– Чего тебе надо? Отдохнуть не даешь!

– Вино будешь? Хорошее...

Энцо пожал плечами, сделал пару глотков из кувшина. И не отказался, и не напился. Так... сделал вид.

– Спасибо.

– Не стоит.

– Ну раз не стоит... тебе ланиста, что ли, поручил за мной приглядывать?

– Конечно. Мало ли что, сейчас вздумаешь голову о стену разбить, а ты ж ценное имущество...

– Ага. Или сбежать.

– Вот видишь, ты и сам все понимаешь. – Ромео смотрел откровенно насмешливо.

– Понимаю. И никуда не собираюсь.

Во всяком случае – пока.

– А раз понимаешь... тебе оно надо? Ну, меня выгонишь, так кто другой придет. Все равно ж не избавишься...

Лоренцо только вздохнул – и откинулся на стену.

– Ладно... ты поговоришь или тебе о чем-то рассказать?

– Да хотя бы и мне. Расскажи, что там... дома?

Дома...

Лоренцо вспомнил дядюшек, сестер, учителей... и заговорил совсем о другом.

– Дома... правит его величество Филиппо Третий.

– Он и раньше правил. Когда я сюда попал. Сын у него попрежнему один? Не женился король?

– Нет. Эпидемия у нас была...

– Расскажешь?

Энцо послушно пересказывал события в Эрвлине за последние лет пять. Расспрашивал сам.

Ромео оказался самым обычным парнем, сыном наемника... перекасти-поле – оно и есть перекасти-поле. Ни дома, ни близких, отец всю жизнь мечом торговал и сына к тому приучил. Мать Ромео старался не вспоминать. Так-то он с ней жил лет до двенадцати, потом подрос... младших поднимать надо, старший может себе денег заработать сам, ну и уехал с отцом. В плен попал по глупости... мальчишка ж! Лет семнадцать ему было, пошел к девке, там и опоили. И продали по сходной цене, сначала на корабль, потом, с кораблем, попал сюда, в Арайю, сбежал, прибился к школе гладиаторов, сражаться-то парень умел.

Ну и втянулся постепенно.

Что-то был школе должен за обучение, за снаряжение, потом отдал постепенно, но ничего себе покупать не стал, живет здесь...

Зеки-фрай?

Да он не хозяин! Хозяин арены – совсем другой человек,

некто Кемаль-бей. У него такие арены в нескольких городах есть, в столице в том числе. На них и поднялся.

Если так-то поглядеть...

Нет, Кемаль-бей – по рождению не из знати. Тут другое... только история эта... одним словом – тсс! Услышат, что рассказываешь, – могут и того... ноги переломать.

Энцо пообещал никому не пересказывать, и внимательно слушал.

Хозяином арены был Кемаль-бей.

Но беem он стал лет двадцать тому назад. Так получилось...

Султан Ферхад, да продлит Аллах его дни, был шестым сыном предыдущего султана, и, конечно, никто не рассчитывал, что он унаследует трон. Так что жил мальчик в сельской глуши, кстати – ему повезло. Жил даже вместе с матерью, с дедом... его матерью оказалась девушка из местной знати, которую из каких-то соображений – Ромео точно не знал – взяла в гарем. А потом... а что потом?

Пару раз она на ложе к султану попала, сына родила, ну и... так-то из гарема выхода нет, но в этот раз султан смиловился. Разрешил ей жить с сыном и за городом, пока сыну не исполнится четырнадцать. Ну и с отцом, понятно...

Вообще, такое здесь редко случается, но, наверное, были причины. Ромео их не знал, он знал, что султан долго жил в глуши, а Кемаль... то ли его отец припасы привозил, то ли что другое... Рода он достаточно подлого, но стал товарищем

по играм для молодого принца.

В четырнадцать лет султан Ферхад уехал к отцу. Кемаль же...

Или друг его не забыл, или еще что... через пару лет юный Кемаль-фрай выкупил захолустную арену, которая погибала, и начал лично режиссировать представления. Внес «новую струю», добавил сексуальный элемент, предложил преступников отдавать ему, на арену... не всех, конечно. Тех, кто заслужил мучительную смерть или от кого не будет никакой пользы.

Опять же, если хозяева хотят от рабов избавиться...

Постепенно, не сразу, но дело у него пошло.

Кемаль умел угадывать вкусы толпы. Прикупил вторую арену, уже в другом городе, потом третью...

Время шло, в результате серьезной борьбы Ферхад стал султаном, но друга не забыл.

Просто так беem он бы его не сделал, не с чего. Но в юного Кемаля по уши влюбилась сестра султана. Младшая.

Влюбилась она еще в то время, когда мальчишки играли друг с другом, а девочка смотрела на них в окошко, а иногда ей и поговорить с братом разрешали... ну что там такого? Мальчишки на десять лет ее старше... малышка! А потом любовь вспыхнула с новой силой...

То ли Кемаль кинулся в ноги султану, то ли сестра умолила...

Но за обычного человека отдавать принцессу было нель-

зя. Пришлось жаловать титул другу детства. А там уж Кемаль-бей развернулся.

И столичную арену под себя подгрёб, и богатство начал наращивать...

Сейчас он был... ну, не в первой десятке самых богатых арайцев, но в первой сотне так уж точно.

Такая вот история.

Энцо слушал, кивал, поддакивал... что он еще мог сказать? Что мог сделать?

Ничего. Только слушать и собирать информацию. Рано или поздно он вырвется на свободу из этого ада! И знания ему в этом помогут!

В столице

– Да будет его воля! – Жрец был величественным и внушающим. Правда, лица его видно не было, мешала маска в виде козлиной головы. Но это точно был король всех козлов!

Такие рога!

Такая шерсть!

Такие налитые кровью глаза... человеческие? А, все равно – козел козлом! Даже воняло похоже!

Но кто из паствы замечает такие мелочи? Жреца обнюхивать не принято, а то копытом в лоб.

– Да... будет... его воля...

Паства откликалась тихо, но отчетливо. Особенно стоящая впереди женщина, в маске и капюшоне. В этот раз эдан-

на Франческа приняла во внимание замечание Осьминога. То самое, про родинку, и лицо с шеей закрыла, и мушек наклеила побольше – мало ли что?

– Да пребудет его сила!

– Да... пребудет...

– Властью господина! Кровью заклявшей, волосом заклятого! – торжественно произнося заклинание, жрец добавлял все вышперечисленное в зелье, которое кипело перед ним на алтаре.

Зелье послушно принимало компоненты и даже цвета меняло.

С зеленого на синий, потом опять на зеленый...

– Прими нашу жертву!

Жертвой оказался молодой козленок.

Трое подручных затащили его на алтарь, рядом с кипевшим зельем, двое держали за передние и за задние ноги, третий запрокинул голову.

Жрец в козлиной маске одним ударом перерезал горло животному.

Кровь хлынула, заливая алтарь, поднимая облако вонючего пара... а когда пар рассеялся, то и зелье кипеть перестало.

Так, слабо опалесцировало в котле.

Эданна Ческа посмотрела на жреца, и тот качнул головой.

Как же!

Дай тебе все сразу! И уйдешь? А поговорить? А пожертвовать? Нет-нет, так дело не пойдет.

Пришлось стоять до конца «богослужения». Или правильно говорить «дьяволослужения»?

Франческа над такими вещами не задумывалась. Если Бог не помогает, так дьявол поможет, если с дьяволом проблемы, так мы и древних богов раскопаем...

Его высочество – ее собственность!

А не этой... Кареллы!

Ладно, принц и возвращался к эданне Франческе, и подарки дарил, и любил, и прислушивался. Но ведь и с теми он тоже...

Он же и эту Алессандру тоже...

И как такое пережить?!

К чужой любви, хорошая она или плохая, привыкаешь очень быстро. Франческа готова была на все, чтобы ее удержать. В том числе и...

– Ваше золото.

Мешочек с монетами привычно лег на пол.

Старая ведьма кивнула, передавая Ческе зелье. Вот она его, сейчас, при ней, в кувшин и перелила.

– По три капли. Чем чаще, тем лучше... он от тебя отлипнуть не будет, не то что отходить.

– Вы так говорите, – надула губы Франческа, – а он все равно... ну... не слишком...

Старая ведьма вздохнула.

– Эданна, а что ты хочешь? Если козел... так его ненадолго и хватает. Настоящие жертвы – человеческие.

– Даже не смейте мне о таком говорить! – топнула ногой Эданна Франческа. Схватила кувшин – и вихрем за дверь вылетела.

Старуха проводила ее насмешливым взглядом, фыркнула. Жрец вышел из-за шторы.

– Какое благородство души!

Иронии в его голосе было столько, что хоть лопатой отгребай. Старуха опять фыркнула.

Козлиную голову мужчина снял, а вот тонкую шелковую маску под ней – оставил. Хотя она и так преотлично знала, с кем имеет дело.

– Она же не убивает. Она просто привораживает...

– А ты этого никак сделать не можешь. – Мужчина уселся в кресло и вытянул ноги. – Плохо работаешь.

Старуха хмыкнула.

– Эданна Кавалли работала хорошо. И где сейчас она?

Даже под маской было видно, что мужчина сдвинул брови.

– Не слишком ли ты много на себя берешь, старуха?

– В самый раз. Года не пройдет, эта дуреха и на жертвоприношения согласится, и сама кого угодно прирежет. Вам же это было надо?

Судя по невольному кивку головы – да.

– Вот, вы своего добились. А как Илария я не хочу, мне столько не заплатить...

– С тебя столько и не возьмут, – хмыкнул мужчина. – Ладно, прибери деньги, твое все же. Заработала...

Старая ведьма послушно спрятала кошелек куда-то в складки шали.

– Следующее представление когда?

– Давай дней через двадцать, – распорядился мужчина. – Посмотрим, как все будет складываться.

– Как скажете, господин.

– Да уж, скажу...

Мужчина гибко поднялся из кресла и вышел вон. Старуха уселась на его место.

– Мальчишка. Щенок. Играть он вздумал...

Пальцы ее нервно потеревшили кисти на шали, перебрали нитки бахромы. С губ старухи сорвался хриплый смешок.

– Каждый, каждый щенок, который только что научился задирать лапку, мнит себя Цербером. И каждого ждет разочарование... а некоторых – живодерня. Э-эх, Ларька, тебя бы сюда! Ты бы сейчас развернулась, ты бы смогла... а я только и того, что слабенькие заговоры делать и дураков морочить.

Эданна Илария Кавалли по понятным причинам не отвечала.

Старуха еще раз вздохнула и отправилась в глубину дома. Прятать честно заработанное. Переодеваться. Уничтожать следы жертвоприношения.

Как?

Кровь – тряпкой, чего тут удивительного или нового?

А козленка сегодня вечером... тушеное мясо – уммм! Прелесть! И никаких следов, так-то...

А эти...

Кто-то служит богу, кто-то Сатане, но в итоге все работают сами на себя. И ведьма собиралась получить с каждого по высшей ставке.

* * *

– Болит, зараза...

Его величество потер бок. Правое подреберье ныло нещадно. Он посмотрел на стол, где стопками высились пергаменты, – и решительно тряхнул колокольчик.

– Лекаря позови, – распорядился испуганному секретарю.

Долго ждать не пришлось, придворный лекарь, дан Виталис, прибыл почти мгновенно.

– Ваше величество?

– Мое, мое... есть у тебя что-нибудь от боли в боку? Мне еще работать надо...

– Ваше величество, вам бы сейчас полежать, отдохнуть...

– Бонифаций, я у тебя что спросил? – повысил голос Филиппо.

Увы. Иногда медик становился ну совершенно непонятным человеком. Вот как сейчас, например.

– Ваше величество, вы с меня хоть шкуру дерите... я вам что говорил? Желтуху нельзя на ногах переносить! Вот и результат!

Филиппо поморщился.

Ну говорил... и что? Попугаи в клетках вон тоже говорят. А желтуха... подумаешь, переболел? С каждым бывало!

Ну потошнило, ну голова покружилась... что в этом такого страшного? Дело-то житейское!⁵— Что ты предлагаешь?

— Ваше величество, я вам лекарство дам, конечно. Но сейчас я настаиваю, что вам надо отдохнуть. И кстати говоря, вино вам нельзя. И жирное мясо тоже...

— Жить мне тоже нельзя — помру, — огрызнулся король. — Иди отсюда... за лекарством!

Лекарь послушно кивнул и отправился к себе. Сейчас он и лекарство принесет, и короля заставит отдохнуть.

Только вот...

Не нравились ему эти боли. Вот не нравились, как и любому хорошему лекарю. Дан Виталис преотлично знал, какие бывают осложнения после желтухи. И в том числе «печеночный червь»...

А если это — ОНО?!

Если...

Нет, лучше не думать. Но порошки, которые помогают именно от этой напасти, он его величеству даст. И проследит, чтобы король соблюдал диету... хоть как, но соблюдал!

Господи, помоги королю!

Но в глубине души... да, там, куда и сам боялся заглядывать, лекарь подозревал, что помогать тут уже поздно. Молись не молись... все равно — дело плохо.

---

⁵ Гепатит А. Болезнь грязных рук. (Прим. авт.)

Мия

Маньи.

Поместье как поместье. Видывала Мия виды и поинтереснее.

А вот людей...

– СибЛевран? Дядя, вы серьезно?

Джакомо только плечами пожал. Ну, СибЛевран... это важно? Или интересно?

– Конечно! – утвердила Мия. – И важно, и интересно... дядя, это те самые СибЛевран, с которыми договаривался дядя Паскуале!

Джакомо так себя по лбу треснул, что аж звон пошел по всей округе.

– Точно! Я-то и не сообразил сначала!

Мия тоже могла бы не вспомнить.

Но – Лоренцо.

И его рассказы про Адриенну СибЛевран, про ее красоту, ум... Мие безумно захотелось увидеть эту загадочную дану. Посмотреть, что в ней нашел брат.

И она в нем? Что она нашла в нем?

Если подарила брату подвеску в виде ворона? Если брат подарил ей тот самый крестик, который Мия получила от падре Ваккаро?

И в то же время...

– Мне не хотелось бы, чтобы Лаццо знали о нашем путе-

шествии, – нахмурился Джакомо. – Для всех мы сейчас находимся в Феретти...

Мие этого тоже решительно не хотелось. Но какие были еще варианты? Если попробовать вариант с престарелой эданной, вот как они сделали это в поместье эданны Вакка, Джакомо придется назвать себя, и СибЛевраны потом скажут о нем. При встрече с тем же Паскуале на предзимней ярмарке.

Возникнет вопрос, что за эданну сопровождал Джакомо, где в это время была Мия...

Джакомо думал сосредоточенно.

– Мия, скажи, ты умеешь копать в земле?

– В земле?

– У меня есть одна идея... я могу пристроить тебя в Манны, ненадолго. Но надолго и не надо.

Мия кивнула.

– Хоть на пару дней. Мне хватит...

– Уверена?

Мия пожала плечами.

Уверена не уверена... у нее сбоев никогда не было. И не будет. Она умная, она сможет правильно рассчитать ситуацию, она не попадется.

Она – метаморф.

Интересно, почему прабабка предпочла службу королеве – вольной жизни? Ведь могла бы зарабатывать жуткие деньги! А вместо этого – что?

Нельзя сказать, что Фьора была бедна как церковная мышь, но ее приданого хватило разве что на несколько лет. А Мия сейчас уже отложила на счет в банке больше, чем Лаццо торговлей за год заработают. Но они-то торгуют, трудятся, переживают, а Мие надо только пару раз... прогуляться. Несопоставимый труд.

Прабабка за всю жизнь могла столько заработать, что Мия на золоте и спала бы, и ела. И еще ее правнукам хватило бы. Нет. Не заработала.

Но почему? Непонятно...

Рассказывать об этом дяде Мия не стала. Зачем?

– Уверена. Что у вас за идея, дядя?

* * *

– Будешь сорняки драть. И гирлянды потом поможешь вешать...

Садовник смотрел на «мальчишку» без всякой симпатии.

Деньги нужны, оно понятно. Дан Маньи больше платил, а требовал меньше. А эданна Фабиана может и оштрафовать, и недоплатить, и требует при этом...

То у нее какие-то редкостные лилии не приживаются, то тюльпаны гибнут...

Оно понятно! Если арайские цветы выписывать, к ним и подход нужен особенный. А у нас в Эрвлине то дождь, то снег, то заморозки, то вредитель какой выползет... вот и гиб-

нут нежные цветочки. Но разве эданна слушать будет? За-
визжит, ногами затопает, деньги урежет...

Может еще пару пощечин отвесить.

Раньше еще могла приказать пороть, но тут уж эданна Ди-
ана вмешалась. Все ж Маньи – наследство молодого дана,
эданна Фабиана в нем распоряжается, но с оглядкой. Так что
порок никаких нет.

И ради эданной Дианы, честно-то говоря, и старается са-
довник.

А тут – свадьба!

Леонардо слуги видели. И определили его породу точно –
жиголо и приживал, паразит и подхалим. Эданне, понятно,
поделом. Но свадьба ж!

Расходов прибавилось, дел прибавилось, а помощники?
Садовник уж просил эданну разрешить ему привести с собой
сына или двух, для помощи. Но там же платить надо, хоть по
сольди в день, а это эданне не по душе.

Женишку своему, поди, перстень с таким алмазом пода-
рила, что хоть дерись им! А пару сольди жалеет!

Бабы!

Разрешение садовник получил, но при условии, что дети
будут ему помогать бесплатно. И еще пусть спасибо скажет,
где бы они могли такой опыт получить?

Только вот забесплатно они и мамке по дому помогут. А
эданне...

Перебьется.

Садовник был хмур и невесел, когда в его дом постучался дан Джакомо. И с ходу предложил ему десять лоринов за помощь.

А что?

Вы, ньор, берете с собой этого мальчишку, он вам помогает до свадьбы, потом уходит восвояси. А вы говорите всем, что это ваш сын. По рукам?

Как же!

Идиотом ньор Чиприано Кокко ни разу не был. Так что Джакомо пришлось повысить сумму до пятидесяти лоринов – и половина вперед. Зато ньор согласился. И пообещал Мию прикрывать как сможет.

В деревне на пятьдесят лоринов семья три года жить может. В городе поменьше – года полтора. Отказываться от таких денег ради эданны Фабианы?

Да вот еще!

Тем более, Мия была весьма и весьма похожа сейчас на его сына, Эудженио. Тот же вздернутый нос с веснушками, те же карие глаза, только у Мии они посветлее, а у Джено – темные, словно шоколад. Те же невнятно-темные волосы, которые «Джено» тут же, при нем, убрал под соломенную шляпу.

А округлостей и выпуклостей у Мии и так было не слишком много. Где подложить, где замаскировать – и получается вполне себе неплохо. Парень как парень.

– Буду, ньор... то есть отец. Где прикажете, – кивнула

Мия.

Чиприано посмотрел на нее долгим взглядом.

– Мне точно от тебя беды не будет?

– Уверен, – спокойно сказала Мия.

– Смотри, парень...

Мия кивнула еще раз.

За этим она и здесь. Смотреть. На деревья или цветы она не посягает, а вот сорняки ей под силу. Ну и дальше будет видно. Посмотрим, что и как.

* * *

Ньор Чиприано на помощника нарадоваться не мог.

Неприхотливый, молчаливый, делает, что сказано, разговаривать не лезет...

Прелесь!

Непонятно, что ему нужно в Маньи, но вот это ньора Чиприано как раз и не волновало. Парень старается, в дом, считай, не заходит, разве на кухню. И там – выпьет молока, сжует кусок хлеба – и обратно, в сад. Тут уж и кухарки довольны, хвалят, мол, какой у вас, ньор, сынок хороший! Папке помогает, да и на кухне помочь не отказывается!

Вот недавно мы его попросили лук почистить, так ведь мигом и перечистил, и нарезать кольцами помог... и зеленушки какой с огорода принесет, и помоем, не откажется...

Золото, а не парень, повезет кому-то с таким мужем.

Ньор Чиприано помалкивал и кивал головой. Старший сынок у него так и так в садовники подаваться не хотел, у него руки к другому ремеслу лежали, он рыбаком стать хотел. Так что лишний раз он в поместье и не придет. А там и позабудется...

А Мия действительно старалась не высовываться. И – наблюдала.

Вот хотела она быстренько подсыпать яд эданне Фабиане или уколоть ту какой иголкой – и удрать. Но... задержалась. И не в последнюю очередь из-за даны СибЛевран.

Если бы Адриенна обратила внимание на садовника, она бы поняла, что стоит ей выйти в сад или устроиться в беседке, как рядом оказывается помощник ньора Кокко.

И наблюдает.

Внимательно так, серьезно...

Мия не могла составить своего мнения об Адриенне. Вроде бы ее сверстница. Вроде бы обычная дана, которой ничего не надо.

Но...

На шее у Адриенны был надет простой медный крестик. И Мия узнала бы его из тысячи! Из сотни тысяч других.

Она сама взяла его у падре Ваккаро, она сама подарила его Энцо, и он передарил крестик. И Адриенна СибЛевран регулярно касается его пальцами, гладит, перебирает цепочку. Смотрит куда-то вдаль, улыбается...

Энцо...

Для нее Лоренцо жив.

Она о нем думает как о живом, она ждет встречи, она...

Мия не могла заставить себя уйти просто так. Не поговорив с Адриенной. И в то же время – боялась. Очень боялась, сама не зная чего. Что она расскажет Адриенне о смерти Энцо – и та снимет крестик? Что Лоренцо и правда умер? Что? Мия не могла ответить на эти вопросы. И разобраться в себе тоже не могла.

Лоренцо полюбил эту девушку.

Почему? Чем она заслужила эту любовь? Или в ней есть нечто такое... говорят, что любят вопреки всему. Но ведь любят и за что-то? Такое тоже случается? За красоту, за ум... Вот дану... как там ее? Которую она в церкви на Рождество убила... Армандо полюбил ее просто за внешность. Но Лоренцо явно был умнее. А за что тогда?

Чутьем метаморфа Мия ощущала в Адриенне некую неправильность. Чуждость. И это завораживало. Заставляло приглядеться, задуматься... может быть, именно это привлекло к ней Лоренцо? А теперь притягивает и Мию?

Может, перед ней еще одна часть головоломки? Как с зеркалом мастера Сальвадори?

На этот вопрос Мия пока не могла ответить. Как говорится, поживем – увидим. А пока наблюдаем.

Вот и затягивала она выполнение задания.

Джакомо не нервничал. В этом отношении он уже полностью доверял племяннице. Если Мия говорит, что ей так на-

до...

Пусть побудет еще немного в Маньи. Ничего страшного.

Адриенна

Скорее бы послезавтра!

Даже не так!

Скорее! Бы! Послезавтра!!!

А там свадьба, и домой можно будет уехать! Счастье-то какое!!!

ДОМОЙ!!!

Как же Адриенне тут осточертело! Не знай она о своем происхождении, в Маньи всё на день пути вокруг бы вымерло. Нервы, нервы...

Она с трудом справлялась с собой, и потому регулярно случалась ветреная погода, а по ночам налетали то дожди, то холода. Садовник ворчал, и Адриенне было его искренне жалко.

Но как же ей все это... обрыдло! И слова-то другого подобрать нельзя!

Вот и сегодня...

Наконец-то закончились разговоры, наконец-то прекратился этот гадкий шум, который у Адриенны уже стоял в ушах, словно пробки...

Девушка махнула рукой на отвратительную погоду, сумерки и позднее время и решила пройтись по саду. Ну хотя бы ненадолго. Хоть чуточку проветриться. Сил на этот зме-

иный клубок никаких нет! И ведь шипят и шипят, лицемерят и лицемерят...

Да чтоб вам пропасть два раза!

НЕНАВИЖУ!!!

Так... не надо. Вот этого – не надо. Вдох и выдох, вдох и выдох... ты спокойна, Адриенна СибЛевран. Или уж сразу – Адриенна Сибеллин?

Ты ни на кого не злишься, ты принимаешь людей как они есть. С их достоинствами и недостатками, с их проблемами и бедами. Пусть они сволочи. Но ты-то должна быть умнее. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, и ты вернешься домой, в СибЛевран, и вы с даном Рокко поедете на предзимнюю ярмарку.

И ты увидишь Лоренцо!

Пальцы коснулись медного крестика, ласково погладили его.

Адриенна обязательно расспросит, что такого произошло с Энцо этой весной. Почему ему было так плохо? Что случилось?

Сейчас она его чувствует, но это другое. Сейчас Лоренцо не больно, не страшно... это как разница между стрелой на тетиве – и стрелой, которую извлекают из раны. Первая... она и страшная, и опасная, а все же не так. А вот вторая...

Когда кровь, и боль, и страх, и кромсается живое тело... брр!

Ничего. Она поговорит с Лоренцо, и это отпустит.

Так, за размышлениями, Адриенна и дошла до виноградной беседки. Устроилась на вышитой подушке, прислонилась щекой к деревянной опоре.

Жаль, нельзя здесь заночевать. Ей бы понравилось спать в этой беседке, но уже холодно...

– Я так и знал, что найду тебя здесь.

Леонардо стоял в дверях.

Стоял вроде твердо, и не шатался, и слова выговаривал вполне отчетливо, но запах вина вокруг него тоже витал. И не радовал.

Есть среди стадий опьянения и такая, в которую тянет на подвиги. Нет, не подвигать мебель, хотя и так бывает. Но редко. Обычно на мелочи «герой» не разменивается и идет двигать мир. Или хотя бы потрясать его своим героизмом, статью, удалью и доблестью.

Вы их не заметили? Не оценили?

Тогда мы идем к вам!

Вот и Леонардо пришел. А что с ним дальше-то делать? Как останавливать человека в таком состоянии, Адриенна знала. Чисто теоретически. А вот на практике – беда.

Ни сковородки, ни скалки – ничего.

А может, и останавливать не придется? Иногда героям в таком состоянии хватает уважения – и добавки к уже выпитому. Тоже вариант...

– Добрый вечер, – попробовала прощупать почву Адриенна.

– Д-добрый?

Адриенна посмотрела с невинным видом. Да, наверное, добрый. А какие проблемы?

– Стерва! – выдохнул Леонардо убежденным тоном. – Гадина!!!

– Я?! – возмутилась Адриенна.

– А кто?! Это ты во всем виновата, ты!!!

– Да в чем?! – искренне удивилась девушка. – В чем я провинилась?!

– А кто виноват, что я женюсь?

Адриенне осталось только глазами захлопать.

– Я думала... твоя мама?

– Мама... – Из рта Леонардо прямо-таки поток грязи полился. Эданна Сусанна многого не знала о своем происхождении и своей беспутной жизни.

Адриенна молчала.

А что она – спорить будет?

Она про эданну и похуже думает, если на то пошло! Редкостно мерзкое существо, в которое, словно в это самое, вляпался ее отец. И ведь не отмоешь...

Так что Адриенна молчала. И зря. Выговорившись, Леонардо вспомнил о ней.

– Она дрянь! И ты дрянь!!!

– Я-то почему?! Потому что ты женишься?!

– А ты могла бы оставить мне СибЛевран! И я бы не женился!

Адриенна аж рот открыла от такой интересной логики.

– Погоди-погоди. – Забыты были все хорошие манеры и все показное дружелюбие. – Ты мне хочешь сказать, я виновата в том, что не пожертвовала тебе СибЛевран?

– Да!

В состоянии алкогольного героизма Лоренцо и более ядовитой иронии не заметил бы. Куда уж там о тонкой?

– Ага... то есть вы пришли в мой дом, испортили мне жизнь, нагадили, где могли, и я должна отдать вам все, а потом еще и поблагодарить? Так, что ли?

Теперь до Леонардо дошло. Парень насупился.

– Ты...

– Я, – вовсе уж окрысилась Адриенна. А сколько, простите, можно испытывать ее терпение. – Ты всерьез, что ли, считал, что можно клюнуть на твои ужимки?! Букетики, конфетки, песенки? Это для Фабианы, и то она тебя насквозь видит! А мне зачем было навлекать на себя гнев короля?! Чтобы ты себя умным почувствовал? Чтобы вы с мамашей на моей шее жирели?! Перебьешься, пиявка гадкая!

Леонардо вовсе уж побагровел.

А потом сделал шаг вперед, дернул на себя Адриенну... и девушка с ужасом почувствовала на своей шее слюнявые губы.

– Пусти, мразь!

– Ужимки, говоришь? Так я тебя сейчас с ними познакомлю...

Возбужденная плоть упиралась девушке в бедро. И... у негодя могло получиться. Выпил он достаточно, чтобы море ему было по это самое место. Но недостаточно для отсутствия реакции или состояния «мордой в салат».

– Пусти!!! Король тебя...

– Я ему скажу, что это ты меня соблазнила. С-сестренка!

– Сука!!!

– Зато ты сейчас будешь подо мной скулить!

Адриенна попробовала полоснуть негодя когтями, но куда там! Не вырвешься, не отобьешься... сволочь такая!.. Она забилась вовсе уж отчаянно.

А потом хватка ослабла.

Леонардо дернулся вправо, влево – и осел к ее ногам.

Адриенна тоже дернулась, отскочила назад, вырываясь из мерзких рук, стянула на груди порванное платье... и когда только успел, гадина такая?! И только потом обратила внимание на подростка, который стоял в дверях.

– Джено?

– Ага, дана Адриенна.

Подростка Адриенна видела пару раз, он помогал отцу. Так-то она внимания не обращала, но рукой ему махала и здоровалась при случае. Близко парень не подходил, ну и не надо.

– С-спасибо.

– Да не за что. Вы платье только получше запахните, ага?

Адриенна кивнула. Потрясла головой – и решила спро-

силь о главном. Не о платье.

– А с ним... что?

Мия хмыкнула.

– Сдох.

А как она еще могла остановить здорового парня? Только слегка придушив гарротой... можно подумать, у нее был выбор?

Из оружия у нее при себе только яд, и тот в порошке, не предложишь же проглотить?

Нож?

Вот нож и был. И пришелся весьма удачно, в почку. После такого удара умирают быстро, а что не кричат... так от болевого шока. Куда там кричать, тут, считай, – все. Душа отлетела...

И не жалко, честно-то говоря. Гадкая была душонка, туда ей и дорога.

Меньше грязи – чище воздух.

Адриенна еще крепче стянула платье. И обнаружила...

– Ах ты, гадина!

Куда и что девалось? И переживания, и расстройство, и страх, и опасения. Все это было ничтожно перед случившейся бедой.

Леонардо, эта мерзкая тварь, сорвал с ее шеи цепочку с крестиком! Подарок Лоренцо!!!

Да ты, дрянь, дешевле стоишь! Сдох? Туда тебе и дорога...

– Джено, посмотри на полу! Тут где-то должна быть цепочка с крестиком. Медным... пожалуйста.

Мия опустилась на колени.

– Она важна, дана?

– Это подарок самого лучшего человека на земле, – просто сказала Адриенна. И так это прозвучало...

Мия пригляделась.

Цепочка свисала из руки Леонардо. Видимо, сорвал, а когда она его ударила, руку и свело...

Она разжала пока еще теплые пальцы и протянула цепочку Адриенне.

– Вот.

– Спасибо! – Адриенна сначала завязала цепочку на шее, потом проверила надежность, а потом только сообразила: – Ты сказал... сдох?

Мия посмотрела Адриенне прямо в глаза.

Сейчас, вот именно сейчас...

– И что?

– Тебе надо бежать! Пойдем, я тебе денег дам! У меня лоринов пятьсот есть...

Все.

Мия даже и не сомневалась, что Адриенна действительно дала бы ей денег. И бежать помогла. И промолчала о ней даже на исповеди...

Лоренцо, братик, ты выбрал подходящую девушку.

Мия подняла руку вверх.

– Подожди, Адриенна. Нам торопиться некуда.

– А...

– Человек, который подарил тебе крестик, – мой брат. Лоренцо Феретти.

Адриенна замотала головой. Потом потерла лоб.

– Нет, погоди... я уже не соображаю.

Мия вздохнула.

– Лоренцо?

– Ну да.

– А откуда ты его знаешь? Джено?

– Я отвернусь на секунду. – Мия решила не менять лицо на глазах у Адриенны. – Подожди, ты сейчас поймешь.

И сделала вид, словно елозит по лицу рукавом рубахи. Вернулась к своей внешности, кроме волос, конечно, и улыбнулась.

– Мое имя – Мия Феретти. Дана Мия Феретти, к вашим услугам, дана СибЛевран.

– Ничего не понимаю, – вздохнула Адриенна. – Вообще ничего...

И покосилась на Леонардо.

Мия развела руками.

– Тебя не слишком смущает это соседство?

– Разве что противно, – честно сказала Адриенна. – А так... гадкая тварь. И изнасиловать он меня хотел.

– Это верно. Я о тебе слышала от брата. Ты подарила Лоренцо Феретти подвеску в виде ворона, он тебе медный кре-

стик. Этот самый.

Адриенна кивнула. И расслабилась.

Если это сестра Энцо... Сестра. Лоренцо.

Откуда здесь взялась Адриенна, она явно знает, а вот Адриенна о ней не знает ничего. Так, может, Мия Феретти и расскажет?

Леонардо?

Да его гораздо раньше убить надо было! В идеале – вообще не делать! И можно подумать, первый раз она трупы видит...

Адриенна махнула на все рукой, отвлеклась от тела, которое сейчас и трупом-то не смотрелось, так, неаккуратной кучей на полу, и посмотрела на Мию.

– Ты мне можешь объяснить, что все это значит?

Мия

Ничего такого, убийственного, по отношению к Леонардо Мия не планировала.

Ей платят за эданну Фабиану. За несчастный случай. Вот его девушка и будет имитировать. А убивать посторонних – это непрофессионально.

Но... так получилось.

За Адриенной она последовала из интереса. А когда заметила Леонардо, когда эта сволочь...

Когда он начал рвать на девушке платье, Мия решила вмешаться. А что – смотреть, что ли? Вот еще не хватало!

Удар в почку вышел точным и уверенным. С ее-то практикой...

А Адриенна порадовалась.

Не кричит, не визжит, не бежит, готова слушать и слышать. Это немаловажно.

А еще крестик, который ей подарил Лоренцо. Крестик, который так важен для нее, что Адриенна готова даже про смерть негодяя Леонардо забыть, лишь бы его найти!

И Лоренцо.

Самый лучший человек на земле. Не важно, что сейчас его нет рядом, Мия думала точно так же. А потому...

– Адриенна, это достаточно долгая история. Нам лучше побеседовать там, где нас никто не увидит и не услышит.

– Тогда здесь будет лучше всего, – развела руками Адриенна. – В доме и у стен есть уши. И нам надо будет решить, что сделать с телом... он точно мертв?

– Точно, – заверила Мия. – Ты хочешь его спрятать?

– Нам придется что-то придумать, – кивнула Адриенна. – Ты мне сейчас расскажешь, что и как, а потом разберемся, хорошо?

Мия только улыбнулась.

У нее будет отличная невестка. Если... нет! КОГДА Лоренцо вернется.

Хотя откровенничать Мия и сейчас не собиралась. Она уселась напротив Адриенны и непринужденно улыбнулась.

– Мой брат ни о чем таком не знает и не догадывается.

Я... я хотела на тебя посмотреть.

Адриенна нахмурилась.

– Не ври мне.

– Я правда хотела на тебя посмотреть.

– И ради этого благородная дана приехала невесть за сколько земель? Не ври, Мия Феретти. Если это твое настоящее имя, конечно.

– А откуда бы я узнала про ворона? Про твой подарок?

– Только от Лоренцо, – согласилась Адриенна. – Ладно, допустим. Но врать все равно нехорошо. Ты в одежде садовника и умело владеешь ножом. Кто ты, Мия Феретти? И зачем ты сюда приехала?

Мия подумала, что Адриенна ее уже не так устраивает в качестве невестки.

Это что за новости такие? Уже и не соврешь? Вот Энцо она сколько врала! И ничего! Даже и не подумал ее разоблачать! А тут сразу – и попалась?

Вам не кажется, что это как-то несправедливо? Но врать больше не стала, решила попробовать сказать правду.

– Я зарабатываю себе и сестрам на приданое. Мне платят за убийства людей.

И с интересом посмотрела на лицо Адриенны. Как она реагирует?

Мия была откровенно разочарована.

После Морганы, после Сибеллинов, после своих интересных особенностей, которыми Адриенна и пользоваться уже

начала... Убийство за деньги – это так понятно, так просто, так обыденно и буднично! Просто чудесно звучит, разве нет? Так что никакой особенной реакции слова Мии не вызвали. Только вопрос.

– Лоренцо знает?

– Нет, – качнула головой Мия. – Я бы предпочла, чтобы он и не знал. Обещаешь молчать?

– Мое слово, – четко сказала Адриенна. – Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своим чревом – да будет оно вовеки бесплодным, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Я никому и ничего о тебе не расскажу, если молчание не станет угрозой мне или моим близким.

Мия кивнула.

Такую клятву она от Адриенны не требовала. Но раз уж та соизволила ее дать, хотя и с оговоркой... можно говорить спокойнее.

– Лоренцо не говорил тебе? Наша семья бедна, как крысы в храме.

Адриенна качнула головой.

– Нет. Меня это не интересовало, кстати говоря. Я знаю, что он дан, что он племянник купца, что у него есть сестры, что его семья не слишком богата... Все. У нас было не так много времени для разговоров.

– Наша семья чуть ли не нищая. Отец умер, потом умерла мать, а что до родственников... ты хочешь полностью зави-

сеть от своей семьи?

Адриенна не хотела. И головой замотала очень активно.

– Вот и я тоже. У меня оказались способности. Вот такие, что ж теперь делать?

– Понятно. И ты начала убивать людей за деньги.

Мия кивнула. Посмотрела на Леонардо.

– За этого мне не платили.

– Я могу заплатить, – тут же заметила Адриенна самым невинным тоном.

Мия фыркнула.

– Будем считать, что это тренировка. Я не ожидала тебя здесь встретить. – Девушки как-то очень быстро перешли на вольную форму общения, да и сам разговор чуточку отдавал безумием. Но какое им было дело до чужого мнения? – Я приехала ради эданны Фабианы.

– Она... Ее...

– Да.

– Из-за ее брака с Леонардо? – догадалась Адриенна. Да и тяжело ли было догадаться? Считаю, пустяки!

– Да. Твой сводный брат – та еще мразь. Он бы попробовал избавиться от маленьких Маньи и подсунуть в наследники своих детей. Наверняка.

Адриенна кивнула.

– Это было бы в его духе. Но теперь бояться этого не стоит. Разве что эданна найдет себе еще одну такую дрянь?

– Не найдет. Мне за нее заплатили.

Адриенна кивнула.

Задавать глупых вопросов вроде «Может, откажешься?» или «Если тебе дать денег, ты ее не станешь убивать?» она не собиралась. Все просто и понятно. Мие заплатили за смерть эданны, эданна умрет. Кто заплатил? А какая Адриенне разница? Этот вопрос она тем более задавать не будет!

Она должна пресекать преступления?

Ну, знаете...

Она еще не ее величество, так что перебьетесь. И за одно конкретное преступление она бы Мии Феретти вообще медаль дала. Она Адриенне практически жизнь спасла, а теперь ее надо выдать?

Чтобы Леонардо пожалели, а негодяйку казнили?

Чтобы эданна Фабиана во что-то новое вляпалась? Таких, как Леонардо, – граблями грести можно, не один, так другой, найдет она себе дюжину жиголо.

Да плевать Адриенне на них три раза! Вот!!!

– То есть эданну Фабиану ты убьешь, – задумчиво кивнула Адриенна. – Помощь нужна?

– Не откажусь, – кивнула Мия, которая уже набросала примерный план убийства. – Заодно и этот труп пристроим.

Адриенна кивнула.

– Лоренцо действительно ничего о тебе не знает?

– Ничего.

– Тогда... давай, наверное, сначала разберемся с трупами, а потом поговорим?

Мия тряхнула головой и улыбнулась. Отличное знакомство! Такое даже дядя Джакомо одобрит! Замечательная де-вушка Адриенна СибЛевран... даже и не знаешь, как ей про Лоренцо сказать. Ну... как-нибудь. Потом, позднее.

– Уже стемнело. Это хорошо. Если ты мне поможешь, мы его оттащим куда надо, а там... Я кое-что придумала насчет эданны Фабианы.

– Тебе помочь?

– Нет. Прости, но я предпочитаю работать сама.

Адриенна и не настаивала. Сама – так сама. Можно подумать, ей хочется кого-то убивать.

Вовсе даже не хочется! Человек должен заниматься тем, что у него лучше всего получается. И у нее это вовсе даже не убийства.

– Тогда... как мы его понесем?

Мия наклонилась над телом, выдернула из него нож...

– Отлично. Кровь течь перестала, можно тащить. Пока он еще теплый... вот так!

Обнимать труп и закидывать его руку себе на шею было откровенно противно. А тащить его под окна эданны Фабианы еще и неприятно. Но – куда деваться? Если надо?

* * *

Эданна Фабиана как раз готовилась ко сну.

Уже ушли служанки, уже протерли ей кожу лица и груди

миндальным молочком, уже облачили ее в роскошный пеньюар... Леонардо сегодня не придет, он сам сказал, но разве это повод распускаться?

Молодой муж – это так тонизирует! Просто невероятно!

Да, скоро она опять будет замужем.

Ах, Леонардо... такой милый мальчик и такой пылкий... просто прелесть...

Стук в дверь заставил ее дернуться на кровати.

– Кто там?

И снова – стук. Робкий такой, словно ее стараются не скомпрометировать. Действительно, что это она? Шуметь в коридоре?

Наверняка это Леонардо. И он точно не станет отзываться.

Фабиана встала и открыла дверь.

Сама.

Служанок-то она отослала...

Охнуть она еще успела. А больше – и ничего. Мия ударила прямым в горло, заставляя эданну упасть на колени...

Такой удар, если слишком сильный, может и убить. Но Мие требовалось только оглушить. Убивать она будет чуточку позднее... так что добавим кулаком в висок.

Слабый кулачок?

А мы в нем самодельный кастет зажем. Дело-то нехитрое... даже не надо в кармане свинчатку носить. Хватит монет и носового платка.

Монеты были взяты половина из своих карманов, полови-

на у Адриенны, из кошелька с мелочью, платок тоже у Адриенны – и готов импровизированный кастет.

И не таких с ног собьет!⁶Мия вошла в комнату и прикрыла за собой дверь. Вот так. Засов – и упаковываем эданну.

Аккуратно, чтобы следов не оставалось, она нам нужна неповрежденная... Связать правильно – целая наука. Клиент должен быть связан прочно, так, чтобы не вырвался, но ни рубцов, ни ссадин оставлять нельзя. А если начнет дергаться, они легко могут образоваться...

Вот так.

Петельку на шею – и эданна увязана на совесть. А попробует дернуться, так сама себя и придушит. И кляп. Чтобы не орала.

Остается Леонардо. Как две девушки могут поднять в окно второго этажа мужское тело, используя веревку, честно украденную Мией в сарае?

Теоретически – никак.

Практически – запросто. Еще Архимед знал о силе блока. Только не стесняйся и применяй правильно⁷. Где взять этот загадочный блок?

Физику учить надо! Ладно-ладно, Мия таких слов не знала, но устроить самодельный блок, используя крюк для люст-

---

⁶ Опытом делился один друг. (Прим. авт.)

⁷ С помощью системы блоков Архимед спокойно вытащил на берег корабль. (Прим. авт.)

ры и ножку кровати – дело несложное⁸. Нельзя сказать, что Мие было легко или приятно. Но она справилась.

А какие еще были варианты?

Тащить тушку Леонардо через весь дом? Точно их увидят, или девочки нашумят... а тут так удачно! Сад, никого живого, кустики декоративные... которые отлично все прикрывают от постороннего взгляда. Что еще надо для счастья?

Ничего.

Адриенна проследила, как тело Леонардо скрылось в окне, а потом повернулась и пошла в дом. Самое забавное, что ее ни угрызания совести не мучили, ни какие-то сомнения...

Откуда?

Все хорошо, все правильно, все так, как и должно быть.

Разве нет? Определенно да...

* * *

Мия уже закончила выстраивать сцену и деловито перетаскивала эданну Фабиану поближе к кровати. Адриенна поскреблась в дверь и Мия тут же впустила ее внутрь. Даже не спрашивая.

Вот знала она, что за дверью стоит Адриенна. Точно знала.
– Все в порядке?

---

⁸ В наше время это называется полиспагст. Людей нам на опыты не дали, но папину гирию на 16 кг мы с подругой на второй этаж через окно затащили. Будучи в возрасте ДО 7 лет. (Прим. авт.)

– Да. А тебя никто не видел?

– Никто, – улыбнулась Мия.

За те несколько дней, которые она провела в Маньи, она узнала и где замки, и где какие лестницы, и где кладовки, и как лучше пройти по дому, чтобы данам на глаза не попасться... На кухне всё знают. И это стоит перечищенного лука и принесенной из сада зелени.

Адриенна выдохнула.

– Хорошо. А с этими что будет?

– Эданна Фабиана в порыве ревности убьет своего любовника, – спокойно сообщила Мия. – И повесится.

И внимательно посмотрела на Адриенну.

Странно, но в присутствии даны Риен Мию тянуло на откровенность. Казалось, что скрывать от нее ничего нельзя. Или хотя бы не стоит?

Ни к чему.

Адриенна оправдала ожидания Мии.

– Тебе нужна помощь? Она ведь тоже тяжелая...

Было видно, что ей это неприятно, что убивать Адриенна не умеет, что...

Но самого страшного в синих глазах Мия и не увидела. Она знала, как отреагировал бы Энцо. Ужас, отвращение, негодование...

Она знала, как поступила бы мама, как негодовал бы отец... даже сестрички были бы в шоке и отреклись от нее. Наверняка.

А вот Адриенна просто смотрит. И ничего такого нет в синих глазах, только... понимание?

Странно.

Но с этим потом можно будет разобраться.

Мия покачала головой.

– Нет. Ты можешь сейчас пойти в свои покои, а я потом приду к тебе. Обещаю.

На этот раз головой качнула уже Адриенна.

– Нет.

– Нет?

– Я... если ты не возражаешь, я подожду тебя здесь. К примеру, в комнате для рукоделия.

В покоях эданной Фабианы была и такая. Мия подумала пару секунд и кивнула.

– Хорошо. Если ты так хочешь...

– Хочу.

– Я постараюсь управиться побыстрее, – пообещала Мия.

И лично прикрыла за Адриенной дверь комнаты.

Почему-то дану СибЛевран хотелось побереечь. Не ее это дело – убийства. Не ее. И не должна она ими заниматься. А вот Мия...

Эданна Фабиана уже пришла в себя и с вытаращенными глазами наблюдала, как Мия от души тыкает ножом в тело Леонардо. Спереди, сзади, в бока...

Из мертвого тела кровь уже так не текла, но ран Мия наставила много, и простыни умудрилась перемазать.

Вот так.

Это тоже бывает... убила с первого-второго удара, а потом тыкала и кромсала в припадке ярости. А какой тут удар был первым?

Простите, кто тут разбираться-то будет? Просто – кто?!

Расследованиями убийств занимаются конкретные даны, в своих владениях. В этом конкретном случае расследованием будет заниматься дан Адриано. То есть его бабушка – эданна Диана, которая и постарается замять это дело⁹. Так что не стоит думать о разлете брызг, тем более что Мия все равно надела пеньюар эданны Фабианы. А потом подошла к эданне.

Та замычала, попробовала отползти подальше, но Мия показала ей окровавленный нож. Потом основательно испачкала руки эданны, добавила крови ей на лицо. Так, пару мазков... слишком много – ни к чему.

Вот она кромсает тело любовника.

Вот приходит в себя... Боже, что же я наделала...

И начинает ладить петлю. Вот и крюк от люстры пригодился, не зря ее Мия снимала.

Эданна мычала и дергалась. Мия покачала головой.

– Я знаю, что вы хотите сказать. Предложить денег?

Кивок.

---

⁹ Примерно так это и было организовано. Стража следила за порядком, а расследования ложились на плечи сеньоров. И Холмсов с Пуаро среди них не было. Первым, кто создал полицию, как таковую, был Людовик 14-й, а ее первым шефом де ла Рейни. (Прим. авт.)

– Нет. Мне от вас ничего не нужно. Только ваша жизнь. Можете помолиться... недолго.

В этом доме Мия и так ничего не возьмет. Заплатили ей хорошо, а воровать по мелочи... глупо! Эданна Диана наверняка знает, сколько и чего было у ее невестки. Вот с эданной Вакка все прошло, и с другими тоже, а здесь – ни к чему.

Пятнадцать минут Мия дала эданне. Пока готовила петлю, растрепанную, не особо качественную (она же эданна и в расстроенных чувствах), пока прикидывала, как эданна правильно повесится... вот стул, вот закрепила веревку, положила в художественном беспорядке пантофли¹⁰...

Кажется, Фабиана так и не помолилась. Но Мие это было безразлично.

Она придушила эданну, чтобы та потеряла сознание, нацепила на нее обратно пеньюар, только уже потрепанный и окровавленный, кое-как затащила на кровать и засунула в петлю.

И потянула.

Блоки, ах эти чудесные блоки!

Что бы делали без них несчастные наемные убийцы?

Пусть Мия и была сильнее, чем многие девушки ее возраста, но тягать такую лошадь мосластую! Это с ума сойдешь!

Примерно через час все было кончено.

Мия взглядом художника разглядывала получившийся

---

¹⁰ Легкие домашние туфли без задника. (Прим. авт.)

натюрморт с трупами.

На кровати, бледный и холодный, лежал Леонардо. Простыни были в крови, хотя и не слишком сильно. Кровь была на полу, на подушках... на ноже, который красноречиво валялся рядом.

Кровь была по всей комнате – эданна, поняв, что натворила, в ужасе металась по спальне.

А потом решилась.

Разорвала простыню, кстати, слегка окровавленную, да и совершила смертный грех.

Осталось убрать за собой веревку и прочее и покинуть комнату. Что Мия и сделала.

Адриенна ждала ее в комнате для рукоделия. Лениво перебирала шелковые нитки в корзинке.

– Не люблю вышивать, – честно сказала она, увидев Мию. – Вот рисовать мне нравится, и читать тоже, а вышивать скучно. Всё?

– Да.

– Идем...

Мия кивнула, потом приложила палец к губам, поманила Адриенну за собой, и две девичьи фигурки выскользнули в коридор.

Никто их так и не заметил по дороге в покои Адриенны.

Глава 3

Адриенна

Адриенна преоотлично понимала, что именно происходит сейчас в соседней комнате.

Убийство.

Расчетливое и хладнокровное, циничное и жестокое. И таких эпитетов можно найти еще прорву. Что она должна делать?

Бежать и орать, причем бежать быстро, а орать громко. Чтобы кто-то услышал, обратил внимание, предотвратил этот... кошмар?

А вот не бежалось.

И не оралось.

С того момента, как Адриенна взглянула в карие глаза Мии, она и не собиралась никуда бежать. Зачем?

У нее глаза, как у Лоренцо. Один в один. И другой мысли у Адриенны не было.

Ясные, чистые... больше всего они похожи на лесной ручей. Вот когда на песчаное дно падают осенние листья, золотистые, коричневые, алые, и все это перемешивается, и сверху бежит вода...

У Лоренцо были именно такие глаза.

И у Мии.

Именно поэтому Адриенна сразу поверила девушке. И

про подвеску она знала, и про все остальное – как? Только от Лоренцо.

Адриенна понимала, что это неправильно, что так нельзя, что падре Санто кондрашкахватила бы, узнай он о происхождении, что отец упал бы в обморок...

И ничего не могла с собой поделаться. И не хотела. А зачем?

На душе было так хорошо и спокойно, словно... она даже сравнения подобрать не могла. Наверное, именно так уютно бывает только детям на руках у матери. Ладно... для Адриенны – на руках у кормилицы, в самом раннем детстве.

О том, что ей могут причинить какой-то вред, Адриенна и вовсе не думала.

Мия просто не могла этого сделать.

Вот никак не могла. А что – есть сомнения?

У нее не было. Ни единого. Это Мия Феретти, она своя, она хорошая... она убийца?

Ну... справедливости ради, а если бы Леонардо ее сейчас... это? Он бы смог, справился. Сил у парня хватало, а ей – много ли надо? Один хороший удар... это просто он не успел.

А так бы...

Считай – все.

Жизнь кончена. Король никогда не простил бы.

А если бы еще и ребенок? От Манчини?! Адриенну даже затошнило от такой перспективы. Понятно, что малыш ни в чем не виноват. Но какая судьба его ждала бы?

Нет-нет, за то, что Леонардо собирался сделать, Адриенна его сама бы убила. С огромным удовольствием! А эданна Фабиана...

Будем считать – побочно получилось. И тоже не слишком-то жалко.

Адриенна вспомнила, как эданна жила в СибЛевране, как она там всех извела, как разговаривала с ней... детство? И пусть! А все равно пожалеть ее не получается!

Детьми эданна занималась и занимается их бабушка, а Фабиана что делает? Устраивает личную жизнь? Вот и прекрасно. То есть домашним тоже будет без нее лучше... наверное.

Жалко, но не особенно. Так Адриенне было бы жалко любого постороннего человека. Вообще любого. И она коротала время, перебирая нитки. И ни о чем не думала.

Что будет – то и будет.

Когда к ней поскреблась Мия, Адриенна только обрадовалась.

– Всё?

– Да.

– Идем...

И девушки выскользнули в коридор.

* * *

В своих покоях Адриенна упала на кровать – и кивнула

Мие:

– Располагайся.

– Благодарствую, дана, – чопорно ответила Мия, и опустилась в кресло с такой грацией, что Адриенна поверила ей еще больше. Действительно дана.

– Все... готово?

– Да. Тебе завтра лучше поспать подольше, пусть их найдет кто-то другой. И вся суматоха пройдет без тебя.

– Хорошо. А в остальном?

– А что такого? У тебя разболелась голова, ты спала, ты ничего не знаешь. А потом – ой, какой ужас. Кошмар-кошмар, я такого от эданны не ожидала.

– Хорошо, – согласилась Адриенна. – Мия, как там дела у Лоренцо?

Мия ждала этого вопроса. И мгновенно помрачнела, словно солнышко за тучами скрылось. Но ответила честно:

– Адриенна, я не знаю.

– Почему?

– Потому что весной Лоренцо смыло в море. Он плыл на корабле на Девальс, начался шторм, и...

– И?

– Его не нашли. И тела тоже.

Адриенна коснулась крестика. Почему-то новость ее не оглушила. Вообще не тронула, может, потому, что она помнила...

Она претотлично помнила свое состояние. И болезнь. И...

Лоренцо!

– Он жив. Я уверена. Мия, когда это примерно было?

Мия задумалась.

– Может быть, конец марта, начало апреля...

Адриенна потеряла кончик носа. Подумала, что Мия сочтет ее сумасшедшей, но... если о таком промолчать, то вообще себя человеком считать не будешь.

Так, дрянь мелкая...

И словно в воду шагнула.

– Мия, мне в это время снился сон. Страшный... я тонула в ледяной воде, вокруг был шторм. И я видела Лоренцо... он держался за какую-то деревяшку, и я держалась вместе с ним.

Карие глаза Мии вспыхнули радостью.

– Я знала! Я верила!

– Последнее, что я помню, – его вытаскивают из воды. И все...

Мия резко выдохнула.

– Но почему, почему Лоренцо не дает о себе знать?!

Адриенна развела руками. Да почему угодно! Причин могут быть сотни, тысячи...

– Я не знаю, – тихо сказала она. – Но чувствую, он не болен, не в опасности...

Может, Мия и не поверила бы. Но она – метаморф. Почему Адриенна, в присутствии которой ей тепло и уютно, не может ощущать состояние ее брата?

– Ладно, – вздохнула она. – Обстоятельства бывают самые разные. Да и письмо могло не дойти. В брата я верю, он обязательно выживет и вернется.

Адриенна кивнула.

– Он сможет.

Девушки переглянулись.

– Ты будешь его ждать? – прямо спросила Мия.

Адриенна опустила глаза.

– Я помолвлена. Прости, я не могу сказать с кем, и разорвать помолвку у меня не получится. Но любить Лоренцо я буду всегда... наверное, до самой смерти.

– Я знаю, что он тебя любит. Он так говорил мне. А ты его – почему?

Мия спрашивала немного неуверенно, но какой у нее был выбор?

Да никакого! Или здесь и сейчас они будут разговаривать откровенно, или все полетит в тартарары. Времени у них – час, может, два, потом Мие надо уходить. А в письмах всего не напишешь. Да и трети необходимого не напишешь... они обе это понимали.

Адриенна развела руками.

– Я... я не знаю. Первый раз я на него даже внимания не обратила. Я его почти не помню... в тот год. А в прошлом году он стал другим. Совсем другим...

Мия медленно кивнула.

Да.

Лоренцо позапрошлого и прошлого годов – это два разных Лоренцо. Кровь в нем проснулась, кровь! Та самая, древняя, метаморфов!

А вот что за кровь в Адриенне СибЛевран? Мия не знала, но рядом с ней чувствовала себя... да, как с девочками.

Адриенну хотелось оберегать, защищать, не давать в обиду. В крайнем случае – уничтожить ее обидчика. Жестоко и медленно. Кажется, то же самое чувствовал и Лоренцо?

– Я знаю, что на вас напали...

– Он защищал меня, – просто ответила Адриенна. – Но это не потому... я просто не знаю. Возникло ощущение, что это мой мужчина, меня к нему потянуло – и этим все сказано. Он может быть на другом конце земли, он может жениться на ком угодно... Мия, я буду счастлива уже тем, что он – есть! Пусть он будет! Пусть у него все будет хорошо!

И столько страсти было в этих простых словах, столько горечи...

Мия невольно качнула головой.

– Ты все равно выйдешь замуж?

Адриенна прикусила губу.

А вот как тут рассказать про все? Про Моргану, Сибеллинов, проклятие... если только намеком.

– Мои предки оставили эту помолвку... это долг. И его надо отдать. Любой ценой.

Мия хмыкнула.

Она кое-что скрывала. Она видела, что Адриенна тоже

что-то скрывает. Но...

Она не выкладывает все свои тайны. Почему кто-то должен ей так доверять?

Может, потом?

И Мия решилась.

– Адриенна, если я попробую попроситься с дядей? На предзимнюю ярмарку?

– Я буду рада.

– И напишу тебе? В СибЛевран?

– Я знаю, что нюр Паскуале переписывается с некоторыми трактирщиками. Может быть, кто-то из них...

Мия решительно кивнула.

– Хорошо. Я поговорю с ним и узнаю точнее. И буду писать, и приезжать... Адриенна, я понимаю, мы странно встретились...

Адриенна тряхнула головой.

– Лоренцо спас мне жизнь. Ты спасла мне жизнь... Просто есть вещи, о которых я не имею права говорить... – И, видя, как потупилась Мия, кивнула. – Ты тоже, верно?

– Верно. В моей жизни есть то, о чем я даже Лоренцо сказать не смогу.

Да, наверное, сложно сказать брату, что ты убиваешь людей. А каково сказать отцу, что ты проклята уже потому, что родилась?

Адриенна кивнула.

– Я... я буду рада.

Мия смотрела в синие глаза. И понимала – она тоже будет рада.

Что-то связывает их с Адриенной. Она пока не понимает, что именно, но...

Адриенна единственная, кто верит в возвращение Лоренцо.

Единственная, кто сказал, что брат жив.

Только ради того, чтобы это услышать, Мия готова была... да на что угодно! Лоренцо жив, жив, ЖИВ!!!

Она это подозревала, а теперь точно знает.

Они с Адриенной еще поговорят об этом. И не только об этом. Но потом, все потом...

А сейчас...

Мия гибко поднялась с кровати.

– Мне пора уходить.

– Риен. Близкие называют меня – Риен. Я буду рада, если ты тоже... – чуточку смутилась Адриенна.

– А я – Мия. Так и зови, – улыбнулась в ответ девушка.

– Хорошо... Мия.

– Я пойду, Риен. Обещаю, я напишу, я приеду... я постараюсь приехать. Если меня отпустят.

Адриенна тряхнула головой.

– Я буду ждать, Мия.

– До встречи, Риен.

И вышла.

Была – и нет. И только вторая вмятина на кровати напо-

минает о ее присутствии. Адриенна тряхнула головой.

Как это странно!

Вчера, в это же время, она ни о чем не подозревала, а сегодня – сегодня у нее есть новости об Энцо. И Мия.

Мия – кто?

Подруга? Нет, это не дружба. Сестра? Тоже нет... они не родственники.

Но кто для нее Мия?

Адриенна не знала ответа. Или... догадывалась?

В любом случае и Мии, и Лоренцо она бы доверила прикрывать свою спину. Или просто – доверилась бы?

Нет ответа...

Мия

– Дядя, все готово!

Джакомо совершенно не удивился и не испугался, когда в ночь-полночь обнаружил в своей комнате племянницу. Подумаешь, новости!

Даже то, что она влезла через окно, его не смутило.

Не выстрелил ведь? Уже отлично!

А мог бы, маленький арбалет со взведенной тетивой так и лежал на полу рядом с его кроватью. Только навести на цель осталось.

– Все – что?

– В Маньи завтра будет большое горе. Эданна Фабиана в припадке ревности убила любовника, а потом повесилась.

Джакомо горестно вздохнул и перекрестился.

– Упокой Господь ее грешную душу.

– Полагаю, – хихикнула Мия, – заказчица будет довольна?

– Безусловно. Оплату мы уже получили, можем уезжать.

Мия опустила глаза.

– Дядя, мне надо вам признаться...

– Что случилось, Мия? – насторожился Джакомо.

К тому, что эданна Фабиана убила любовника, он отнесся вполне лояльно. Если Мие изволится, пусть хоть весь Маньи перебьет. Все равно уже оплата получена. А вот что она еще могла такого страшного сделать?

Убивать заказчика точно нельзя. И попадаться кому-то постороннему на глаза нежелательно бы...

– Я встретила в Маньи Адриенну СибЛевран.

К чести Джакомо, сообразил он достаточно быстро.

– СибЛевран... погоди! Это та самая? Любовь Лоренцо?

– Да.

– И откуда она там взялась?

– Оказалась родственницей того самого жениха, – потупилась Мия, как добропорядочная девочка, которая впервые в жизни украла конфеты из буфета.

Джакомо только плечами пожал.

Мир тесен, могло быть и такое. Ничего страшного.

– Дядя, она мне понравилась.

И тоже ничего удивительного. Бывает... иногда даже невестки свекровям нравятся! Вот ведь какие чудеса случаются!

ются!

– Я бы хотела съездить с дядей Паскуале на предзимнюю ярмарку. Получше познакомиться с данной СибЛевран.

– Да?

– У нее на шее крестик, который ей подарил Лоренцо, – тихо сказала Мия. – она его не сняла. И в руках вертит... это что-то для нее дорогое.

Джакомо замолчал.

Лоренцо Феретти... да, болезненная тема. Они все, от Фредо до малышки Кати, понимали – Мия не верит в смерть брата. Наверное, только она одна в нее и не верит!

Любит, ждет, надеется...

И увидеть другого человека, который так же любит, ждет и верит, для нее важно. Так что...

– Я поговорю с Паскуале, – решил мужчина. – Если ты захочешь, конечно, съезди.

– Спасибо, дядя! Я вас обожаю!

Мия спрыгнула с подоконника и поцеловала Джакомо в щеку.

– Вот и прекрасно, – проворчал мужчина. – А на обратном пути предлагаю заехать в Феретти, проверить, что там и как.

Мия кивнула и отправилась в свою комнату.

Там лежали ее вещи, там можно было стереть кровь, переодеться...

Завтра они с дядей уедут.

Хоть бы у Адриенны все обошлось...

Мия привычными движениями смывала кровь, причесывала волосы – и думала, думала об Адриенне СибЛевран.

Мие надо уезжать.

Адриенна остается без защиты.

Но почему Мие это так не нравится? Почему?!

Лоренцо

– Лежишь?

– Чем могу быть полезен, Зеки-фрай?

Лоренцо мигом оказался на ногах, еще и поклонился...

Устал он сегодня, конечно, как собака. Сегодня был бой, ему бы сейчас отлеживаться и отсыпаться, но почему-то не получается...

Другим гладиаторам проще, наверное...

После боя им выдается вино, которое они в обычные дни не получают.

После боя приглашают несколько проституток...

Только вот Лоренцо это не нужно. Даже и не интересно, и не нравится... есть в этом нечто гадкое. Вот и приходится после боя просто лежать у себя.

Он знает, гладиаторы его не слишком любят, считают выскочкой, могут подстроить пакость...

Наплевать!

У Лоренцо Феретти есть цель – свобода. И он собирается к ней идти.

Зеки-фрай оглядел гладиатора даже с улыбкой. Он не про-

гадал, это уж точно. А сейчас станет ясно и кое-что еще...

– Лоренцо, сегодня ты едешь со мной.

– Зеки-фрай?

– Я не обязан объяснять тебе свои поступки, но тут многое зависит и от тебя. Я знаю, в ваших землях женщины более свободны...

– Да, Зеки-фрай.

– Ты помнишь сегодняшний бой?

– Да, Зеки-фрай.

– Ты смотрел на трибуны?

– Нет, Зеки-фрай.

Действительно, когда бы и зачем гладиатору на них смотреть? Дело Энцо – оценить противника, а потом показать собравшимся красивый бой. И самому при этом не пострадать.

Пока везло – у него были только синяки, ссадины... так, пара порезов, которые лекарь зашил, и они зажили буквально за десять – двенадцать дней. Хотя в климате Ваффы часто начинали гноиться даже маленькие царапины.

– Сегодня там была Бема-фрайя.

– Бема-фрайя?

– Жена богатого человека, очень влиятельная в Ваффе женщина.

– Простите, Зеки-фрай, – искренне удивился Энцо. – Женщина? Влиятельная?

В Ваффе?

Вы же варвары, дикари, вы женщин укутываете с ног до

головы, никакой воли им не даете, тем паче – власти... и вдруг речь о влиянии?

Невероятно!

Зеки-фрай поморщился.

– Ты не так давно живешь в Араيه и не знаешь многого. Твой мир ограничен нашей школой. Мы уважаем наших женщин и оберегаем их...

Энцо внимательно слушал.

Бема-фрайя оказалась женой богатого купца.

Корабли, торговля... это понятно. А вот любовь и ласка? С ними как?

Оказалось – плохо.

Купец своей жене внимания уделять не может, вот она и ищет его на стороне. В частности, у нее есть договор с Зеки-фраем. Она ходит на представления, не на все, но на многие, ну и...

У нее случаются любовники из гладиаторов.

Обычно это делается проще.

Гладиатора везут с завязанными глазами, Бема-фрайя наслаждается им, а потом отпускает восвояси. Но Лоренцо не глуп. И Зеки-фрай решил поговорить с ним.

Если Бема-фрайя будет довольна, то и школе будет хорошо. И Зеки-фраю тоже... и Лоренцо.

Но для этого нужно делать все, что пожелает Бема-фрайя. Вот увидела она юношу на арене – и захотела! И щедро платит...

Энцо прикусил губу.

Да, шлюхой он еще не был.

С другой стороны...

Он – раб. И его все равно заставят. А вот согласившись добровольно, он может кое-что получить для себя. Пусть небольшие преференции, но к чему ими пренебрегать?

Но надо поломаться.

– Зеки-фрай, она... очень страшная?

– Она женщина в возрасте, – чутьочку неохотно ответил распорядитель. – Если ты сомневаешься в себе... есть зелье. Но я не хотел бы его тебе давать.

Энцо кивнул. Ему бы тоже не хотелось...

– Я... попробую.

О том, что хотелось бы получить ему, Лоренцо пока говорить не стал.

К чему?

Зеки-фрай умен и понимает, что перед носом осла надо и морковку вешать, а не только скотинку кнутом охаживать.

* * *

Завязанных глаз Лоренцо все же не избежал.

Его везли в паланкине, потом вели по двору – он чувствовал прохладу, – потом вели по дому...

Потом он почувствовал сильный аромат благовоний.

А потом ощутил, что остался один. Стоять посреди ком-

наты.

Впрочем, ненадолго.

Послышались тихие шаги. К Лоренцо Феретти приблизился человек. Женщина, судя по аромату благовоний.

Шаг, другой...

Энцо чуть-чуть напрягся.

Нервировала собственная... нет, не беспомощность.

У него не связаны руки, он может в любой момент снять повязку. Но Зеки-фрай простыми словами объяснил, что дама должна быть довольна.

Ну что ж...

Если ей хочется поиграть? Почему бы нет?

Энцо понимал, что любит другую, что это в какой-то мере предательство, что...

Адриенна никогда об этом не узнает. А ему надо выжить и вернуться. И если для этого придется воспользоваться какой-то местной бабой... что ж!

Пусть так и будет!

– Какой красивый мальчик, – голос был мягким, томным, интонации мурлыкающими.

Энцо молчал.

– И такой отважный... Ангел. Почему бы тебе не побыть моим личным ангелом?

Молчание.

– Ты немой?

– Нет, эданна.

– Тогда почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

– О вашем Ангеле? – уточнил Энцо.

– Да.

– Потому что школа меня не продаст, – спокойно отозвался Лоренцо, хотя стоять неподвижно становилось все сложнее и сложнее. Наглые пальцы закружили по груди, спустились к животу... царапнули, изучая...

– Хм-м... ты не слишком романтичен, мальчик.

– Моя работа – убивать и умирать.

– А любить?

Пальцы спустились еще ниже, проверили «боевую готовность». Тело послушно отреагировало. Что ж, в возрасте Лоренцо оно готово отозваться на кого угодно. Это не измена. Это просто инстинкты самца. Чистая похоть.

Даже не желание, и тем более не любовь. Просто кобель почувал самку – вот и все. Случка.

– Если на то будет ваше желание, эданна.

– А твое?

– Разве у раба есть свои желания?

Энцо добавил в голос легкой иронии, прощупывая партнершу. И получил в ответ не пощечину с указанием знать свое место, о нет! В ответ прилетел смешок, а напряженную плоть сжали умелые пальцы.

– Безусловно... они есть. Оно есть.

– Это еще не желание, эданна, – говорить спокойно становилось все сложнее. Партнерша была умелой и опытной.

Она знала, чего желает, и Энцо начинал хотеть того же.

– А чего же ты желаешь, мальчик?

Лоренцо понял, что снимать повязку нельзя. Пока...

И ловко перехватил руку женщины. А потом притянул ее к себе, прижал к телу, которое сейчас уже больше походило на тело шестнадцатилетнего юноши, нежели четырнадцатилетнего мальчишки, после тренировок и прочего... и положил руку на затылок женщине, путаясь в густых волосах.

– Вот этого...

Чтобы найти губами ее губы, много ума не требовалось.

Она была невысокой и пышнотелой, с большой грудью и округлым задом. И пока одна рука Энцо удерживала женщину за затылок, вторая вольно путешествовала по холмам и долинам.

– И этого...

В борделе Энцо кое-чему научили, и он надеялся не разочаровать партнершу. Получилось вроде бы неплохо, женщина застонала в его руках и выгнулась.

– И вот этого... – Энцо отпустил губы женщины, и начал медленно спускаться по ее телу, лаская и целуя. Благо для этого глаза тоже не требовались, только руки и губы.

Первый раз был быстрым и жестким.

Энцо не щадил себя и не щадил партнершу. Но, судя по крикам, ей понравилось. Второй – уже медленнее и спокойнее. Но царапин на спине Лоренцо прибавилось. Когти у женщины были острые... ей-ей, он на арене меньше шкуры

оставил, чем сейчас, на ложе любви, хм...

И лежал, поглаживая пригревшуюся на его плече женщину.

Нельзя сказать, что она была красавицей. Лет сорока – сорока пяти, черные волосы явно крашены, потому что корни кое-где видно, и они белые... седые...

Лицо достаточно гладкое, как и у многих полных женщин. Глаза темные, большие, губы яркие, брови насурьмлены... нет, не красавица. Но женщина интересная. И при дворе она бы пользовалась успехом.

Энцо молчал. Ждал реакции партнерши, и та последовала достаточно быстро.

И почему так?

Вот кто бы объяснил? Но лично Лоренцо Феретти сейчас хотелось жрать. Нет, не кушать, не принимать пищу... он бы сейчас именно что сожрал большой кусок мяса. И запил хорошим вином.

А женщинам хочется разговаривать. И слушать, какие они самые-самые замечательные.

То есть – не покормят. А жаль...

Долго молчать женщина, понятно, не смогла.

– Ты старался, Ангел.

– Я старался, – подтвердил Энцо.

– Зеки-фрай не солгал мне. Он сказал, что ты умен и образован. Но не сказал, что ты хорош и в постели.

– Его не интересовал этот мой талант, эданна.

– Эданна... женщина, которая замужем?

– Благородная госпожа. Замужняя. Не замужем – дана.

Женщина улыбнулась. Кому бы не понравилось, что ее называют благородной?

– Тебе было хорошо со мной, мальчик?

– Эданна, женщины могут подделать... удовольствие, – Энцо знал, о чем говорил. В борделе просветили. – Но у мужчины реакция или есть – или нет.

– Сейчас ее нет, – намекнула Бема-фрайя.

– Даже самому заинтересованному мужчине нужно время для восстановления, – парировал Энцо.

Бема-фрайя погладила его по плечу.

– Мне было хорошо с тобой, мальчик. Ты хочешь прийти ко мне еще раз?

– Мне тоже было хорошо с вами, эданна, – не соврал Лоренцо. – Вы красивая женщина и очень страстная... я хотел бы прийти. Но...

– Но?

– Предпочел бы видеть вас – с самого начала.

Губы женщины чуть дрогнули, изогнулись в горькой гримасе.

– Я для тебя слишком старая.

– Десять лет разницы, конечно, много, – пожал плечами Энцо. – Но вы, эданна, так роскошно выглядите, что я готов закрыть на это глаза.

Бема-фрайя не обиделась.

Десять лет...

Милый мальчик, тут все двадцать пять, а то и побольше! Ты мне даже не в сыновья – во внуки годишься! Но как приятно, когда тебя считают столь молодой! И так искренне...

Так что Энцо не досталось за дерзость.

– Вот сегодня у тебя глаза и были завязаны.

– Смею заметить, эданна, если бы я видел все с самого начала... я бы получил еще больше удовольствия.

– Ты должен думать о моем удовольствии, – надменно сдвинула брови женщина. Но не зло, нет. Глаза ее скорее смеялись. Когда ты раб, такие нюансы начинаешь чувствовать очень остро.

И что партнерше начинает опять хотеться – тоже.

Хорошо, что Энцо тоже чувствовал в себе... вдохновение. Не сию секунду, безусловно, но он скоро будет готов к подвигам. А пока...

– И что доставит удовольствие моей хозяйке? Повелевайте, о прекраснейшая, я готов подчиняться...

Темные глаза женщины заблестели. Игра ей явно понравилась. Но...

– Что мне понравится... что же мне понравится...

На этот раз Бема-фрайя решила взять на себя инициативу.

Ей определенно понравилось. Но и Лоренцо тоже. Кое-чего он и в борделе не видывал, и слыхом не слыхивал... но приятно. Было очень и очень приятно.

Утром Зеки-фрай критически осмотрел гладиатора, приказал раздеться, хмыкнул...

– Изодрала всего... кошка паршивая.

Что было, то было. Следы когтей виднелись у Лоренцо на спине, на бедрах... да везде!

Оправдываться было глупо, но Лоренцо и не стал.

– Раб должен повиноваться приказам хозяйки, чтобы она осталась довольна.

– О, она осталась, – махнул рукой Зеки-фрай. – И просила присылать тебя еще.

Энцо чуть склонил голову, пряча усмешку. Но Зеки-фрай ее увидел. И намек преотлично понял.

– Что ты хочешь?

– Немного, – отозвался Энцо. – Совсем немного. Узнать больше про Арайю. Может быть, посмотреть? К примеру, если мой господин куда-то пойдет, я мог бы его сопровождать?

– И сбежать? – прищурился Зеки-фрай.

Энцо качнул головой.

– Нет. Я хочу на свободу, но я не настолько глуп, чтобы рисковать жизнью. Я знаю, здесь и сейчас мне сбежать не удастся. Мне просто хочется видеть мир за пределами Школы. Да хоть носильщиком у паланкина! Дома я был свободнее... здесь мне тесно в четырех стенах!

Зеки-фрай понял.

Задумчиво кивнул. Что ж. Это логичное желание. И, пожалуй, он может кое-что позволить своему рабу. Ум – это хорошо... очень хорошо.

– Я подумаю, что можно сделать.

Лоренцо медленно поклонился.

Душу ему грел перстень с большим рубином, увязанный в угол набедренной повязки. Он спрячет его подальше... для побега нужны деньги. И это его первый шаг к свободе.

За это и поклониться не жалко. И провести ночь с ненужной ему женщиной.

И даже прийти еще раз...

Ему надо вернуться домой. Он выживет. Он – справится.

Адриенна

Крик был такой, что проснулся бы даже мертвый.

М-да.

Неудачная шутка, мертвые как раз и не проснулись. И не шелохнулись. Хотя орала эданна Сусанна так, что шторы дрожали.

– Леонардо! Мальчик мой!!! НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!

Дикий крик рвался в небо, дрожал под сводами замка, метался, не находя себе выхода.

Эданна честно ждала до обеда, чтобы поговорить с милой Фабианой. А потом...

Фабианы нет, сына нет, но и...

Сколько же можно?!

Слуги, конечно, не пойдут к хозяевам, в гневе эданна Фабиана могла и пощечин надавать, и плетей всыпать... а вот эданне Сусанне можно.

Она и пошла, как бы отнести кувшин с вином...

Осколки кувшина валялись теперь на полу. Остро пахло дорогим вином, красным... и оно тоже было повсюду.

И вино, и кровь...

Мия была бы довольна. Вино так все хорошо залило, что найти ее следы не сможет никто. А эданна Сусанна продолжала кричать и кричать... и было отчего.

И Леонардо, весь в крови, и нож рядом с ним, и висящая Фабиана, одежды которой игриво раздувал сквозняк, отчего казалось, что эданна жива и шевелится...

Выглядело это откровенно жутко.

После смерти Фабиана не обрела достоинство. Да и вообще удавленники выглядят очень неаппетитно. Посиневшие, с вывалившимися языками... жуть жуткая.

Оказавшийся неподалеку дан Марк застыл изваянием вселенской глупости.

То ли бежать, то ли... а что тут делать-то надо? Не подготовила его жизнь к таким ситуациям...

Адриенна в своих покоях потянулась в кровати и перевернулась на другой бок. Еще и ухо подушкой закрыла.

После ухода Мии она долго не могла уснуть. Ходила по комнате, металась, как раненая рысь... наконец, решила не

укладывать себя насильно, опустила в углу на колени и принялась молиться.

За Мию, за Лоренцо... чтобы Бог сберег их и все было хорошо.

За Леонардо и Фабиану? А вот тут – простите. Не молилась и даже не собиралась. Вот еще не хватало! Пусть Бог прогневается на нее, но эти двое обойдутся без молитв. Адриенна просто не могла себя заставить.

Снова и снова она переживала тот гадкий момент, когда Леонардо прижал ее к себе, и гадкий запах от него, и алкогольный перегар, и вот это зрелище нечистой рыхлой кожи, и похотливый шепот, казалось, застрявший навсегда в ушах...

Врагов надо прощать?

Пусть так. Но Адриенна сейчас не могла этого сделать. Сил не было. Возможно, потом, когда-нибудь, лет через двадцать...

В чем она виновата перед Леонардо?! В том, что не сделала, как он хотел?! Но почему, почему Адриенна должна отдавать ему Сиблевран? Ее родной и любимый дом, в котором она каждый камень знает, в котором родилась, в который столько труда вкладывает, что кому другому и сказать страшно... и тут приходит кто-то и говорит – хочу!

Да мало ли что ты хочешь?!

Это ее наследство, ее право, в конце концов... отец тоже хотел бы этого? И что?! Почему бы отцу самому не построить свой дом? И не подарить его Леонардо?!

А если уж брать всю картину...

Ладно бы еще дан Марк! Ладно бы его дети! Пусть он нашел бы себе хорошую и добрую женщину, умную и порядочную. Адриенна бы еще и порадовалась за отца! Не такая уж она стерва!

А ЭТО?!

Эданна Сусанна ведь серьезно считает, что у нее есть право сожрать всех, кто слабее. Ей должно быть хорошо, а остальным... да как будет, так и будет! Это уже не ее проблемы! Она и по чужим трупам прошла бы... нет сомнений, что она науськала Леонардо на Адриенну, как потом на эданну Фабиану. Только вот когда бедолага понял, во что ввязывается, из него и полезло... внутреннее содержимое. Такое же, как у матери.

«Я – хочу!»

А что будет там, потом, как это отзовется на других... Это что – важно? Благородный дан об этом еще и думать должен? Вот еще не хватало! Сами родились, сами и разбирайтесь. И с последствиями его поступков в том числе.

Его, черт побери!

Адриенна не просила, чтобы эти люди приходили в ее дом! На ее землю! Чтобы пользовались результатами ее труда! Но если уж пришли... ну кто, кто вам сказал, что все должно лечь вам под ноги?!

Тот же Леонардо... Он был при дворе! Ему кто-то мешал начать служить? Тут или там, приносить пользу... допустим,

он не мог хорошо владеть оружием. Хотя это и вранье. Адриенна пару раз видела, как он тренируется, чтобы не терять форму, и понимала: Леонардо может. Если бы он уделял этому достаточное время, мог бы стать мастером клинка.

Но ведь не хотел!

Не изволишь ты своей жизнью рисковать? Но есть казначейство, в котором тоже даны работают. И ты мог бы попробовать себя там. Нет? В любом дворце придворные делятся на балласт – и ценный груз. Если ты ничего не делаешь, чтобы найти себя, свое место, если ты просто прожигаешь жизнь и тянешь ручки за сладким яблочком...

Кто удивится, если тебе в руки влетит нечто совсем другое. К примеру, осиное гнездо?

Не нравится?

А ты-то всем нравишься? Такой хороший и замечательный?

Нет, Адриенне не было жалко Леонардо. Не после попытки изнасилования.

А эданну Сусанну?

Единственный сын... жалко? Сквозь сон, Адриенна подумала, что и эданну ей не жалко тоже. И закрыла ухо поплотнее. Чтобы сквозь гусиные перья ни свет не проникал, ни звук. Хватит с нее, она только на рассвете уснула! Пусть хоть орут, хоть визжат, хоть куски друг от друга отгрызают! Ей бы еще часика два поспать. Или три... С половинкой.

Крик еще раз взвился и оборвался.

Адриенна даже выяснять не стала, что произошло. Она тут же утонула в темном мареве сна.

* * *

Произошло то, что и должно было.

На шум прибежала эданна Диана. Сообразила, что именно случилось, и начала с простого – залепила с разворота эданне Сусанне такую затрещину, что та, некрасиво распялив ноги, села на задницу, прямо в лужу вина.

– Молчать!

Командовать полком эданна Маньи могла без особых усилий. Но Сусанна и так замолчала бы – после такой затрещины! Тут глаза бы свести в кучку!

Эданна Диана обратила внимание на слуг.

– Ни у кого дел нет? Я сейчас всем найду работу! Дан Марк, заберите супругу и успокойте ее! Анжело, ты идешь со мной! Надо определить, что случилось, а уж потом орать...

Дворецкий поклонился.

Эданну Диану он знал не особенно давно. Когда умер муж эданны Фабианы, та первым делом уволила старого дворецкого и наняла нового.

Своего человека...

Только вот умный человек – он своим будет для всех. И ньор Анжело, который совершенно не был дураком, умудрялся успешно лавировать между двумя эданнами.

Улыбался и кланялся обеим, помогал эданне Диане не ругаться лишней раз с невесткой, смягчал обстановку в доме...

Эданна Диана подумала, что, пожалуй, она оставит его в той же должности. И бестрепетно шагнула в покои невестки, обойдя винную лужу.

– Что у нас тут такого... смотрите, ньор Анжело...

– Нож, – опознал дворецкий.

– Так... и именно ножом убит этот несчастный юноша, – кивнула эданна. – Но почему его убили?

– И кто? – поддакнул Анжело.

Эданна Диана фыркнула.

– Мне неприятно смотреть на ЭТО, – она указала пальцем на труп невестки. – Но, Анжело, она же вся в крови. И явно не падала на труп. Это брызги... мне кажется, она и убила несчастного. И руки у нее в крови...

Анжело сглотнул, но эданну Фабиану рассмотрел повнимательнее.

– Д-да, пожалуй.

– Так... – начала распоряжаться эданна Диана. – Поскольку несчастная Фабиана умерла... да, наследником является ее сын, мой внук. Он, конечно, несовершеннолетний, но мы поедем ко двору, просить его величество или о моей опеке, или об эмансипации... посмотрим. Адриано может уже справляться, конечно, с моей помощью...

Ага. И с определенной доплатой.

Его величество от денег не откажется, особенно, если ему

разъяснить. Поместье-то находилось, считай, под управлением эданны Дианы. Фабиана была занята, она свою жизнь устраивала, а поместьем управлять надо здесь и сейчас. Посевная не ждет, а растения и вовсе некоторых тонкостей не понимают. Да и скотина тоже.

Неграмотные оне-с...

– Надо позвать падре Бернардо. Пусть прочтет заупокойную... и надо как-то...

Эданна Диана на миг сторбилась. И Анжело увидел, какая она старая. Не пожилая, нет, а именно старая. Пережить мужа, сына... стараться, растить внуков... а теперь вот еще и невестка... Тут поневоле душой постареешь.

– Анжело, надо будет как-то пресечь лишние слухи.

– Лишние слухи? – не понял мужчина.

– Судя по тому, что я вижу, Фабиана приревновала своего любовника. Убила его, потом поняла, что натворила, – и повесилась.

Анжело задумался.

– А... зачем ей было вешаться?

– Потому что это не ньор. Это дан. И его мать приближена ко двору, если я хорошо помню, она подруга любовницы его высочества.

Анжело сообразил, сглотнул и кивнул.

Ну да... знакомство близкое. Мамаша точно добилась бы и суда, и прочего... а уж сколько бы вони поднялось! Представить страшно!

– Это ж... смертный грех.

– Да. Но мои внуки в этом не виноваты...

– Думаете, падре согласится как-то...

Эданна Диана пожала плечами.

– Анжело, ты постарайся, чтобы это все было как-то потише, и людей сюда отряди надежных. Пусть снимут мою невестку, обмоют, переоденут... все, как положено. И пошли за падре. Похороны завтра с утра.

– А гости?

– Надо узнать. Если его мать пожелает забрать тело сына с собой, пусть забирает. Гроб сколотим, но сейчас жарко, он же может...

Протухнуть.

Анжело прекрасно представлял, что происходит на жаре с трупами, и только сглотнул.

– Слушаюсь, эданна.

– Работайте, Анжело. Трагическая гибель моей невестки – не повод нарушать все... все в поместье.

Эданна Диана моргнула и вышла из комнаты, приложив к глазам край платочка. Не хочет, чтобы ее видели в слезах.

Анжело только головой покачал.

Как держится! Нет, ну как держится! Настоящая аристократия.

В своих покоях эданна Диана совершила то, за что нещадно бранила и Адриано, и Анунциату. А именно: упала на кровать и поболтала ногами в воздухе.

И плевать на почтенный возраст!

На все наплевать!

Фабиана мертва! Анжело разнесет вести по дому в два-три дня... а если не он, то падре постарается. Или слуги. Или...

Не важно! Такие вещи разносятся быстрее, чем чума.

Не зря она заплатила громадную сумму денег специалистам. Фабиана мертва, ее деньги в равных долях будут поделены между сыном и дочерью, эданна Диана поможет внуку до совершеннолетия, подарок для его величества уже готов...

Осталось только гостей выпроводить, а так все преотлично!

Гости, м-да...

С даном Марком говорить пока бессмысленно. Его супруга не в себе... жаль, конечно. Но Бог дал, Бог взял... м-да. У Дианы хоть внуки остались, а у Сусанны никого нет. Но Диана-то родить уже не сможет, а Сусанна еще молода. Пусть рожает, растит...

Адриенна.

Вот кого не было.

Эданна Диана сдвинула брови и решила, если гостя до обеда не появится, навестить ее. Мало ли что? Ей лишние трупы в доме не нужны.

Но как же хорошо все пока складывается!

А невестке – туда и дорога!!!

* * *

Адриенна проспала почти до обеда, а проснувшись, вместе с тазиком для умывания получила еще и кучу новостей.

И только рот открыла.

Ну да, все, как сказала Мия.

Самоубийство, которое собирается замять эданна Диана. Конечно, не удастся, но...

Ох, несчастный Леонардо! Горе-то какое!

Интересно, с чего его так эданна приревновала? Вы не знаете?

Служанка не знала. Но догадываться могла. Леонардо за время своего пребывания в Маньи героически огулял аж четырех служанок. Может, эданна про какую-то и узнала? Такое тоже могло быть.

Или сказал что-то не то...

В любом случае – горе и ужас. И надо бы поспешить к эданне Сусанне.

Адриенна распорядилась надеть темно-синее платье и до-

стать голубую ленту. Вплетет в волосы, и нормально. Для траура этого хватит.

Пока она причесывалась, в дверь постучали. Служанка метнулась – и тут же вернулась обратно.

– Дана Адриенна, к вам эданна Диана.

– Проси немедленно! – поднялась Адриенна. И поскольку эданна уже входила и преотлично ее слова слышала, приказала служанке: – Выйди вон.

Служанка прикрыла за собой дверь.

Эданна Диана подождала несколько секунд, потом открыла ее, никого не обнаружив и снова закрыла.

– Дана Адриенна, благодарю.

– Эданна Диана, разрешите выразить вам свои соболезнования. Наверное, это безумно... неприятно, когда в твоём доме... вот такое...

Эданна оценила.

Все верно, соболезновать ей по поводу невестки – глупо и нелепо. А так, вроде бы и сочувствуют, но повод... Нет, не тот. Действительно, неприятно, когда такой бардак в твоём доме.

– Дана Адриенна, я решила поговорить с вами, поскольку...

Теперь настала очередь мяться уже эданне Диане. А что тут скажешь?

Адриенна благородно пришла ей на помощь.

– Поскольку больше не с кем. Моя мачеха, скорее всего,

в истерике, а отец рядом с ней. Меня вы тоже знаете и понимаете, что со мной можно обговаривать разные вопросы.

Эданна Диана кивнула.

– Для своего возраста вы удивительно умны, дана.

Адриенна улыбнулась.

– Ум и глупость не зависят от возраста, эданна. К примеру, ваши внуки уже сейчас умнее своей матери... простите.

Эданна улыбнулась. Они друг друга преотлично поняли.

– Я не хочу, чтобы эта история с убийством и самоубийством стала широко известна. Это бросит тень на Маньи...

Адриенна кивнула.

– Эданна Диана, я думала уже об этом. Полагаю, Леонардо надо похоронить здесь, в Маньи. Есть же какое-то кладбище...

– Безусловно.

– Завтра же. И тихо. И... в Маньи есть лекарь?

– Конечно, дана.

– Надо бы его пригласить, пусть осмотрит мою мачеху, даст ей капельки или что-то такое... чтобы она спокойно перенесла и похороны, и дорогу...

Эданна Диана кивнула.

– Я приглашу. Вы хотите уехать?

– Чем скорее, тем лучше. Сусанна и так невыносима, а уж в горе станет попросту омерзительна, – резко выразилась Адриенна.

Эданна Диана искренне порадовалась. И за себя, и за де-

вушку... находка! Истинная находка!

Ах, почему ее бестолковый сын не мог жениться на такой девушке? Почему ему попалась эта дура Фабиана? Не повезло...

– Мне ее жаль, конечно. Единственный сын.

– Леонардо не только здесь путался со служанками, – отрезала Адриенна. – В СибЛевране у него есть незаконный сын, может, и в столице тоже есть. Эданна Сусанна может выбрать любого из них.

– Незаконный сын? Я не знала об этом...

– Тем не менее. Я все думаю, может быть, эданна Фабиана о нем узнала? Такой приступ ревности...

Эданна Диана задумчиво кивнула.

Какая замечательная версия! Адриенну стоит поблагодарить!

– Вполне возможно. Дана СибЛевран, тогда я распоряжусь, чтобы накрывали на стол, пообедаем, поговорим...

– Я вам буду весьма признательна, эданна Маньи.

– Что вы, деточка. Просто эданна Диана. И помните, вам в Маньи всегда будут рады.

Адриенна поняла правильно.

И запомнила – правильно.

* * *

Они стояли в часовне.

Падре Бернардо согласился отслужить мессу по обоим. И по эданне Фабиане, и по Леонардо... что уж ему пообещала за это эданна Диана?

Адриенна не знала.

Ей было и не интересно, и не слишком важно. Ей хотелось домой.

На предзимнюю ярмарку хотелось.

Снова увидеть Мию и поговорить с ней о Лоренцо.

А еще... ей было все же немного неприятно.

Эданна Сусанна так сдала за эти несколько часов, что смотреть на нее было страшно.

Вся бледная, несчастная, осунувшаяся... кажется, даже постаревшая лет на двадцать. Дан Марк бережно поддерживал супругу под локоток, но Сусанна его даже не видела.

Стояла, смотрела ввалившимися глазами на гроб с телом Леонардо.

Сын.

Хороший ли, плохой ли, а сын. И она даже похоронить его в Манчини не сможет. Там их просто не примут, откажут... да и везти туда тело через половину королевства...

Леонардо уснет на местном кладбище, рядом с эданной Фабианой, и над ними прорастут колокольчики и полынь. Тут все ими заросло.

Станет ли эданна разговаривать с сыном Леонардо от ньюры Анны? Признает ли его внуком?

Адриенна не знала. Для нее была важна кровь, она бы в

жизни от родни не отказалась. А для эданной Сусанны – статус.

Но девушке почему-то казалось, что горюет эданна не о сыне – о себе. Это она осталась одна. Это ей некого про-давать, чтобы выгодно пристроиться в жизни. Это у нее неопределенность.

Леонардо – что? Был и умер, его только оплакать, а вот эданне жить дальше. А ведь такие бабы больше всего на свете боятся трех вещей.

Старости, нищеты и одиночества.

Обычно они их так боятся, что себе на голову и наклика-ют. Жизнь, она ведь тоже справедлива. Но что толку фило-софствовать?

Адриенна знала, что после похорон будет поминальная трапеза. А потом, наутро, они погрузятся в кареты и поедут домой.

Вчера, до вечера, она руководила слугами. Собирали ве-щи – ее, отца, Сусанны...

Вещи Леонардо – плохая примета. Пришлось оставить их в Маньи, так, взять пару безделушек на память, а тряпки эданна Диана передала падре Бернардо. Пусть раздаст бед-ным.

И домой...

Адриенна не сомневалась, что будет тяжело. Что эдан-на Сусанна еще доставит ей много неприятных минут. Это сейчас она только осознаёт происходящее, а вот когда

осознаёт... вот тогда и начнется много всего неприятного.
Но это будет уже потом.

И Адриенна будет готова к новым пакостям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.